

Александр Мазин

Чистильщик

«Автор»

Мазин А. В.

Чистильщик / А. В. Мазин — «Автор»,

Когда у Валеры Васильева прямо посреди Невского умыкнули девушку, он понял, что мир изменился. И в этом мире больше нет достойного места для славного, неглупого парня Валеры. Но он – не из тех, кто согласен барахтаться за бортом. Но чтобы добыть и отстоять место на верхней палубе «корабля жизни», Валере Васильеву надо научиться драться насмерть.

© Мазин А. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КОРАБЛЬ ЖИЗНИ	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	21
ГЛАВА ПЯТАЯ	24
ГЛАВА ШЕСТАЯ	30
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	34
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	36
ГЛАВА ПЕРВАЯ	36
ГЛАВА ВТОРАЯ	41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	46
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	48
ГЛАВА ПЯТАЯ	54
ГЛАВА ШЕСТАЯ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Мазин

Чистильщик

*Путь в тысячу ли начинается с одного шага.
Китайская пословица*

ПРОЛОГ

– Стоять! – грубо сказал парень в камуфляжных штанах. – Хули ты тут делаешь?
– Стою, – лениво произнес Васек, будто не замечая направленный ему в живот ствол.
– Борода шутит, – процедил приятель целящегося, шагнул вперед и неожиданно нанес быстрый удар ботинком по щиколотке. Васек потерял равновесие и плюхнулся животом в грязный снег.

Парень с пистолетом наступил ему на поясницу, а второй тем временем быстренько ощупал Ваську.

– Чистяк, – сообщил он.

– Встать, козел! – скомандовал обладатель пятнистых штанов.

Васек встал.

– Пошел! – Ствол с силой уперся ему в спину.

Васек качнулся назад, отчего ствол еще глубже впился ему в спину, сделал шаг вперед... Затем резко повернулся, и пистолет, скользя по кожаной куртке, устоялся в пустоту раньше, чем его хозяин успел нажать на спуск. Собственно, он и не мог нажать на спуск, потому что палец Васьки скользнул под спусковой крючок с противоположной стороны. Рывок под локтевой сустав – вопль – сокрушительный удар коленом – и вопль перешел в утробное мычание, оборвавшееся, когда левый кулак Васьки вошел в соприкосновение с челюстью противника.

Второй кинулся вперед, но застопорил, обнаружив, что пистолет поменял хозяина. Вот он, главный недостаток огнестрельного оружия. Чуть зазеваешься – и оно уже не у тебя, а совсем наоборот.

– Грабки кверху и кру-гом! – велел Васек.

Парень команду выполнил, но духом не пал.

– Ты, бля, хоть понял, бля, как ты попал? – поинтересовался он.

– Понял, понял, – успокоил его Васек и врезал рукояткой по стриженному затылку. От души врезал: щиколотка еще ныла.

Спрятав пистолет, Васек подхватил пришибленного за ворот, отволоч к двери ближнего гаража, привалил спиной. Не замерзнет. Не февраль, середина апреля. Зиме уже давно пора кончиться, достала уже...

Сунув пистолет в карман, Васек вернулся к его бывшему хозяину. Обшарил его наскоро, обнаружил бумажник, пустую кобуру и мобильник. Мобильник забрал. Зачерпнув две пригоршни снега, Васек энергично растер «пострадавшему» уши. Парень очнулся и наверняка пожалел об этом. Ему было больно и обидно. А потом стало очень больно и очень обидно, когда он ответил матерщиной на вежливый вопрос. Урок пошел впрок. Обошлось без членовредительства.

– Молодец, – похвалил Васек. – Лучше поступиться гордостью, чем некоторыми частями тела.

– Чего? – не понял парень.

– Того. Встали и пошли.

Идти было недалеко.

Это оказался не гараж – мастерская. Васек позволил своему провожатому постучать и сказать: «Я». Больше ничего. Тычок в основание черепа – и парень на время потерял способность говорить и двигаться. Когда железная дверь начала открываться, Васек резко рванул ее на себя, а затем толкнул вперед. Удар, сдавленный вопль, снова рывок на себя, рубящий левой... Васек наступил ногой на упавший автомат (предосторожность не бывает лишней) и направил пистолет на последнего боеспособного обитателя мастерской. Тот тупо глядел на Ваську. В руке – полупустая бутылка пива. Слабое оружие против модернизированного «макарушки». Уцелевший аккуратно поставил бутылку на стол и поднял руки.

– Умница, – похвалил Васек. – Будешь жить. Когда они приедут?

– Скоро. Уже звонили.

– Охрана?

Парень пожал плечами.

– Да обычная. Чего тут охранять.

– На пол, и руки на затылок.

Васек оглядел мастерскую. Две машины: «лендровер» и «фольксваген-гольф». Последний – наполовину перекрашенный. Стеллажи. Куча покрышек, три лампочки под потолком, но горит только одна, у входа.

Васек достал телефон, свой, не трофейный, набрал номер:

– Я внутри, – сказал он. – Скоро будут.

– Принято, – лаконично отозвались с той стороны.

Васек сложил телефон и сунул в карман. Затем втащил двух выбывших из игры внутрь, пристроил за кучей покрышек и прикрыл автомобильным чехлом. Подумал о третьем, но решил: отлучаться не стоит.

– Эй, командир, – позвал лежащий на полу. – Холодно, командир, кинь ватничек подстелить.

– В могиле холодней, – заметил Васек. Но сжалился и бросил ватник. Правда, сначала проверил карманы.

Васек поднял с пола автомат, обычный «калаш» с откидным прикладом, проверил магазин. Комплект.

Прошло минут пятнадцать, и снаружи раздался рокот подъезжающих машин. Это могли быть и не те, кого он ждал, но тут уж лучше перестраховаться.

– Подъем, – скомандовал Васек отдыхавшему на полу. – Сядь на свое место. Постучат – откроешь. Веди себя хорошо – и увидишь солнышко. Все понял?

– Да понял, понял! – В глазах у парня Васек прочитал острое желание жить. Это неплохо. Васек передернул затвор автомата и укрылся за покрышками. Между ними и стеной оставалось достаточно места для маневра. И полумрак, что тоже к стати.

Машина остановилась у мастерской.

Они вошли втроем. Четвертый, косая сажень, остался в дверях. Вошли, не сторожась. Парень в точности выполнил указание Васьки: молча открыл дверь и пропустил «гостей» внутрь. Он явно не забыл о «калаше», поэтому расположился так, чтобы оказаться отдельно от вновь прибывших.

– Вот ваша машина, – сказал первый из приехавших, низенький, деловитый. – Это, как вы сами понимаете, аванс, майор. Просто знак нашего расположения.

– Разумеется, – сухо ответил тот, кого назвали майором. – Если я закрываю глаза на шестьдесят миллионов, мой процент должен быть существенно больше, чем игрушка на колесах.

– Да пошел ты в жопу! – злобно процедил третий, черный, с усиками. – Чё, думаешь, ты один скурвился? Чё, думаешь, мы, бля, другого не забашляем? – Он вытащил пистолет и потряс им в воздухе. – А тебе, бля, я сейчас шмальну в брюхо – и криздец! Понял, бля?

Майор ничего не ответил, только усмехнулся. Бодигард в дверях тоже не пошевелился.

– Давлат! – укоризненно произнес первый.

Третий скривился, пренебрежительно сплюнул, спрятал оружие и демонстративно отошел.

Васек аккуратно прицелился в грудь застывшего в дверях бодигарда. Даже если броник выдержит, мало не покажется. Палец аккуратно потянул спусковой крючок. «Калашников» коротко рывкнул, и бодигарда вынесло на улицу. Резкий Давлат тут же отпрыгнул в сторону, пригнулся... на свою голову. Васек целил в туловище, но... короткая очередь пошла чуть выше, и мозги Давлата выплеснулись из черепа.

Майор среагировал лучше всех. Отскочил под прикрытие джипа и выстрелил на вспышку. Попал. Но не в Васька, а в одного из прикрытых автомобильным чехлом. Васек же откатился в сторону и, под днищем джипа, длинной очередью полоснул майора по ногам. Тут же вскочил, прыгнул вперед. Майор рухнул на пол, но пистолет не выпустил. Васек мимоходом врезал каблуком по руке майора, размозжив пальцы, ведущим форвардом рванулся к двери и захлопнул ее. Через пару секунд снаружи загрохотали выстрелы, но ни дверь, ни железные стены из автомата не пробить. Разве что из подствольника, однако наличие такового у атакующих сомнительно. Питер все-таки не Грозный.

Повернувшись, Васек обнаружил:

одного коррумпированного майора – в шоке;

одного предприимчивого бизнесмена – в ступоре;

одного рядового бандита – предусмотрительно улегшегося мордой в пол.

Остальных пока можно пока в расчет не принимать.

Первым делом следовало наложить жгуты на простреленные ноги майора, что Васек и проделал с помощью оказавшегося под рукой репшура. Тем же репшнуром он скрутил умного бандита и предприимчивого бизнесмена. Последний, выйдя из ступора, в лучших традициях с ходу предложил Ваську лимон зелени. Васек проигнорировал.

Под чехлом живых убавилось вдвое. Майорская пуля оказалась роковой для обладателя пятнистых штанов.

Васек достал пистолет покойника, тщательно обтер и положил на стеллаж. Автомат же вложил в руки финансиста (тот, было, заартачился, но, нюхнув ствол пистолета, сразу перестал возражать) и заставил бизнесмена пальнуть в потолок. Затем отобрал автомат, огляделся внимательно... Лишних улик оставлять не следует. «Помочь» следствию – это одно, а доверять... извините! «Благодарность заказчика» Васек испытал на собственной шкуре.

Снаружи снова загрохотали выстрелы, однако через пару минут все стихло, а еще через минуту в двери постучали.

– Кто? – спросил Васек на всякий случай.

– Мы. Снаружи закончено.

Голос знакомый, именно тот, который Васек рассчитывал услышать. Поэтому он отворил без промедления.

Из шести вошедших только на одном не было маски.

– Забирайте товар, – сказал Васек. – Пришлось немного попортить, ну, уж извините.

Те, что в масках, устремились к живописно расположившимся по полу телам. Один из них тут же сделал майору укол. Лекарство, хотя сам майор, скорее всего, предпочел бы яд.

– Этого не трогать, – Васек указал на предусмотрительного бандита. – Мой.

Тот, что был без маски, спорить не стал.

– Хочешь – забирай. Спасибо.

– Пожалуйста, – ответил Васек. – Удачи. – И предусмотрительному: – Пойдем, корешок.

Снаружи маячили еще люди, но перед Васьком расступились. Предупреждены.

Территорию покинули через дыру в заборе. У железнодорожной насыпи Васек распутал руки парня.

- Исчезни,— сказал ему Васек.— Навсегда.
  - Спасибо,— ответил тот.— Я не забуду.
  - Лучше забудь,— посоветовал Васек, взбежал на полотно и по шпалам отправился к станции.
- Путь был неблизкий, километра полтора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КОРАБЛЬ ЖИЗНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Валерий Витальевич Васильев был бюджетником. То есть принадлежал к категории людей, с которыми государство должно делиться награбл... Простите!.. Налогами. Иначе говоря, денег у него не было. Вернее, за основную работу он не получал ни гроша, но кое-как перебивался изготовлением клеев. Валерий был химиком. И человеком, особо не примечательным. Хотя нельзя сказать, что природа его обидела. Умом и ростом он был ничуть не хуже прочих, а здоровьем даже получше, поскольку зимой непременно бегал на лыжах, а летом регулярно играл в футбол с коллегами по работе. Но спирт, подобно остальным, после игры не пил. Не любил смешивать удовольствия. Даже вредная во всех отношениях работа в химической лаборатории его не подкосила. Но это уже скорее чистое везение. В свои двадцать семь лет имел Виталий за спиной и два неудачных брака. Первая жена ушла от него, прихватив с собой сына. Через полгода оба уехали в США. От второй Васильев ушел сам. Вернее, выставил из своей комнаты. За блядство. Бывает. С тех пор жил один. В общем, таких, как Валера, в Питере – море. Вернее, таких, каким он был до...

Девчушка прилипла к нему сама. Подклеилась у выхода из метро. Подклеилась традиционно. «Скажите, который час? А где я вас могла видеть?»

«Нигде», – был бы правдивый ответ, поскольку в свои лет шестнадцать-семнадцать девчушка была прикинута минимум на годовую зарплату Васильева. Но Валера промолчал, и как-то очень естественно вышло, что через улицу Восстания они перешли вместе, а у кинотеатра «Колизей» девушка (ее звали Таня) непринужденно взяла его под руку.

В этот день Валера чувствовал себя уверенней, чем обычно, поскольку в кармане у него лежала тысяча рублей, полученная от заказчика за пять килограммов клея. Поэтому он шиканул и предложил Тане мороженого. Под мороженое беседа пошла веселей, и они с удовольствием профланировали до угла Невского и Литейного и прошли бы дальше, но рядом с ними тормознула гладкая, как мыльница, темностекольная иномарка, распахнулась дверца, мускулистая ручища сцапала Таню за локоток. Таня сдавленно пискнула, но рука уже оторвала ее от Валерия и втянула внутрь. Дверца захлопнулась. Васильев не успел ничего углядеть, кроме мелькнувших Таниных загорелых коленок. Иномарка прыгнула влево и унеслась к Адмиралтейству. Остался только расплюснутый об асфальт стаканчик мороженого, который тут же окончательно размазала чья-то нога.

Зеленый свет замигал, Валерий поспешно перебежал через Литейный и остановился. Следовало что-то предпринять. Но что? Номера машины он не запомнил, о девушке не знал ничего, кроме ее имени. Может, это просто шутка ее друзей?

Правильней всего было бы забыть и о Тане, и о «похищении». Но в голове у Васильева словно что-то сдвинулось. Он как будто впервые увидел парадную пестроту Невского, череду престижных магазинов, швейцаров у «Невского паласа», вальяжных гаишников и круглоголовых парней, отирающихся у блестящих лаком автомобилей. Он видел мужчин, попивающих пиво за пластиковыми столиками, и женщин, сосредоточенно подкрашивающихся французской косметикой. Он видел рекламные плакаты, приглашающие во все страны мира, и многое, многое другое, что требовало денег, денег и еще больше денег. Но дело было не в деньгах. Просто Валерий осознал, что, пока он варил элементарно органические полимеры для науки и универсальные клеи для того, чтобы не умереть с голоду, весь окружающий мир отвалил куда-то вбок, оставив его за бортом. Разумеется, не его одного. Приглядевшись, он без труда распознавал в толпе таких же... забортных. Причем их было большинство. Обветшавший линкор Россий-

ской Империи, почти век назад захваченный пиратами, перелившими ее силу и веру в гладкие туши баллистических ракет, проржавел и развалился. Грязное радиоактивное пятно, разводы солянки и иностранные, якобы спасательные катера под разноцветными флагами, шарящие среди обломков и вылавливающие, что приглянется. Кому-то из экипажа досталось место в шлюпке, кому-то – спасжилет. Большинству не досталось ничего. Но часть этого большинства все равно копошилась, пытаясь состряпать из ошметков палубы и фалышборта нечто, способное держаться на плаву. У них не было выбора. Копошиться или тонуть. Многие выбирали последнее. Но не все. Некоторые копошились. И у них получалось. Но построить корабль – это одно, а захватить местечко в уютной каюте – совсем другое. Так что паразиты паразитировали, строители строили, тонущие – тонули. «Каждому – свое!» – как было написано на известной вывеске.

Валерий Витальевич Васильев балансировал где-то между вторыми и третьими. Как многие. Но это не утешало. Корабль Жизни уплывал, и, чтобы взобраться по гладкому борту, нужно было отрастить стальные когти или обзавестись навыками ниндзя. Потому что лестницы сверху ему не спустят. Не нужен там, наверху, старший научный сотрудник Валерий Васильев, разведенный, двадцати семи лет, без вредных привычек и полезных капиталов.

Валерию очень захотелось уйти с Невского, он свернул на Литейный, но это не принесло облегчения. Васильев окончательно понял: от нового понимания мира убежать не удастся. И теперь он всюду будет чувствовать себя болтающимся на волнах обломком прошлых надежд. Васильев скрипнул зубами от обиды: всего несколько минут назад ему было хорошо. Он чувствовал себя Человеком. Человеком среди людей. Гражданином. Мужчиной.

Если говорить откровенно, собственная значимость волновала Валерию куда больше, чем геополитическая значимость России. Это был не эгоизм, а обычный здравый смысл. Республика состоит из граждан, империя – из подданных. Правительство республики вынуждено заботиться о гражданах. Император должен заботиться о подданных. Если империя называет себя республикой, это еще не значит, что подданные превращаются в граждан. Это лишь значит, что государство намерено ободрать их как липку, вот и все. Граждане должны поддерживать свою республику, подданные вынуждены платить дань.

Народная мудрость гласит: если изнасилование неизбежно, расслабьтесь и получите удовольствие.

Но для Валерия Васильева этот вариант был неприемлем. Не совмещался с чувством собственного достоинства. Не мог он ратовать за ДЕРЖАВУ из положения раком.

– Нет уж! – говорил здравый смысл. – Сначала выпрямись и надень штаны!

Разумеется, все эти «разнообразные образы» не складывались в сознании Валерия в нечто глобальное. Они вообще не складывались. Просто Васильеву было очень, очень хреново. И следовало что-то предпринять. Немедленно. Иначе, не ровен час, захочется кинуться под какой-нибудь джип.

Почему-то вспомнился анекдот о помершем и попавшем в рай работяге.

В раю, как водится, сбываются мечты. А о чем мечтает половина работяг России? На покойничка надели клубный пиджак, нацепили на шею золотую цепь, вставили в карман «Мотороллу» и запустили повеселиться в ночной клуб с голыми девочками. А когда сытый, пьяный и повеселившийся покойник вывалился из престижных дверей, на него вдруг навалилась целая толпа оборванцев и отметелила до полусмерти.

– За что? – возопил полуживой покойник.

– А это, – сказали ему ангелы-администраторы, – сбываются мечты второй половины работяг России.

Валера раньше не относил себя ни к одной из половин. Собственно, и теперь ему не хотелось ни к первым, ни ко вторым. Ему просто хотелось обратно на борт. Только и всего.

Валера, как сказано, был не дурак. Поэтому он свернул направо, присел на скамеечку в больничном сквере и задумался.

Для человека с руками и головой существует множество способов заработать деньги. Даже очень приличные деньги, если он будет работать круглые сутки и на себя, а не на дядю. Но рано или поздно дядя все равно придет и отберет заработанное. Может быть, дядя приедет на бандитском джипе или банковском «мерсе», но, скорее всего, в качестве дяди выступит жлоб с совокупной вислощеклой рожей думского депутата, именуемый Государство. Этот не погнушается отнять бутылочку молока у младенца и вставную челюсть у старухи. Что уж тут говорить о каких-то честно заработанных деньгах. Значит, первое, что следует делать, – это обезопасить себя от насилия. Самое простое – уехать к гребаной матери из этой страны... В принципе, для кандидата химических наук это реально. Многие коллеги Валерия так и поступили. Но у Васильева к забугорью как-то душа не лежала. Да и никто не ждал его там, за кордоном, чтобы подарить гражданские права и золотую кредитную карточку. Те ребята сами построили свой капитализм и не больно любят чужих. Значит, самое простое отпадает. Придется играть по-сложному. Раз деньги зарабатывать бессмысленно, значит, надо зарабатывать силу. Для начала физическую. Стальные когти. А там посмотрим.

Васильев встал со скамейки. Он принял решение, и решение оказалось неожиданно простым. Удивительно, что он не наткнулся на него раньше. Нет, не удивительно. Раньше он просто об этом не задумывался.

В институте, где он работал, полгода назад сменилась охрана. Вместо бабушек и дедушек преклонного возраста пришли крепкие ребята с кобурами под мышкой и резиновыми дубинками. С одним из них Валерий как-то разговорился. Оказалось, оба равнодушны к футболу. С тех пор здоровались. И именно этот парень сегодня стоял на вахте, когда Васильев выходил из института.

Охранник был на месте. После обмена несколькими общими фразами Валера взял быка за рога.

– Юра (так звали охранника), – сказал Васильев. – Я хочу позаниматься каратэ.

Охранник изучил Валерину фигуру, кивнул:

– Давай, ты мужик спортивный.

– А что для этого надо?

– Выйти на улицы и почитать объявления. Секций нынче – хоть жопой ешь.

Валерий уловил в голосе собеседника иронию.

– Ну, – протянул он. – Я хочу что-нибудь стоящее, реальное...

– С этим труднее.

– А ты сам, как?.. – с намеком проговорил Васильев. – Не ведешь группу?

– Нет, – Юра качнул головой. – До сэнсэя я еще не дорос.

Но предположение Валерия ему польстило.

– Но занимаешься?

– Занимаюсь.

– А мне... можно?

Юра покачал головой.

– Ты же хочешь каратэ.

– Да мне без разницы, каратэ или там ушу. Если честно... Надоело быть сарделькой!

Юрий еще раз покачал головой.

– Извини, Валера, не получится. Наш, он с разбором берет. И в основном пацанов.

– Это в смысле... – Васильев растопырил пальцы.

– Да нет! – Юра рассмеялся. – Мальчишек. А ты... Сам понимаешь.

Васильев твердо посмотрел в глаза собеседника:

– Юра, мне надо! Надо! Дай мне шанс! Ну, не возьмет меня твой сэнсэй, значит, не возьмет. Значит, так тому и быть. Только я вот на тебя смотрю и вижу: ты такой, каким я хочу стать! Понимаешь? Дай мне шанс!

– Ну ты наехал! – охранник засмеялся. – Ладно, уговорил. Поговорю сегодня с Егорычем. Доволен?

Теперь засмеялся Валерий.

– А то! Век помнить буду!

– Да ладно!

На том и расстались.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующий день дежурил уже другой охранник. С такой жуткой рожей, что Валерий к нему и подойти не рискнул бы. Но тот сам окликнул.

– Васильев – ты? Тут тебе Юран маляву оставил.

В записке значилось:

«Сегодня в шесть на Ладужской. Возьми спортивный костюм. Обувки не надо. Юра».

Ровно в шесть Васильев стоял у выхода из метро. Юру он не признал. Только, когда тот, подойдя, поздоровался. В институте Юра всегда был в форме, а тут: несолидная футболка, мятые штаны. Совершенно шалопаистый вид. Да еще бейсболка, надвинутая едва ли не на глаза.

– Готов? – спросил он.

– Готов. Поедем?

– Пешком пойдем. Тут пять минут.

Пришли к детскому саду. К бывшему детскому саду. Теперь половина здания превратилась в развалюху, но вторая еще как-то держалась. На одной из дверей было написано оранжевой краской: «Опточно-сырьевая база». Но вошли они в ту, на которой не значилось ничего.

Обстановка в раздевалке выглядела спартанской. Низенькие скамьи, наследство детского сада, вместо вешалок – забитые в стену гвозди.

– Мы первые, – удовлетворенно сказал Юра. – Переодевайся. Готов? Пошли. При входе в зал положено кланяться. При выходе – тоже.

В зале находился всего один человек. Усатый мужчина лет сорока. Ростом примерно с Валеру, но пошире. И потяжелее раза в полтора.

– Вот, Егорыч, привел, – Юра показал на Васильева.

Сэнсэй бросил на новичка равнодушный взгляд, кивнул.

– Иди, разминайся, – сказал Юра.

Больше ничего.

Разминку Валера знал только ту, что делал в лыжной секции. Ею и занялся. Попутно оглядывал зал. Особое его внимание привлекли отрезки ошкуренных бревен разной длины, на цепях, свисающих с длинных стальных кронштейнов.

В зале понемногу собирался народ. Разнообразный. От совсем мальчишек до матерых мужиков в районе сорока. По возрасту Валерий был где-то посерединке. Некоторые – в кимоно, но большинство – в произвольной одежде. Один даже в боксерских трусах и майке. Когда набралось примерно десятка полтора «игроков», сэнсэй хлопнул в ладоши и скомандовал:

– Побежали!

И сам тоже побежал.

Бегали минут тридцать. Сэнсэй периодически выкрикивал разные японские слова, а ученики, соответственно, махали руками и ногами. Валера тоже махал, как умел. Вроде получалось что-то: он ведь не совсем темный, боевики тоже смотрел и всякие рукопашные соревнования, если больше ничего путного не было.

– Стой! – гаркнул сэнсэй. – Встали-подышали!

Все начали шумно дышать. Валерий тоже попытался, хотя и без необходимости. Отметив мимоходом, что физическая подготовка у него не хуже прочих.

– Хорош! – последовала новая команда. – Разбились на пары. Новичок ко мне. Олежек, иди сюда. Паша, поработай пока с макиварой. Новичок, это твой противник. Все, поехали.

И отвернулся.

Валера слегка опешил: его противник выглядел лет на тринадцать, и макушка его была на уровне Валериного подбородка.

«Не ушибить бы», – мелькнула мысль.

Пацан быстренько поклонился, выпрямился... и врезал Валере в глаз. Да так, что искры посыпались. И еще раз, расплющив губу. Васильев рассердился. А рассердившись, церемониться не стал. Замахнулся, целясь тоже влить нахалу в глаз. Но Олежек ловко поднырнул под Валерину руку, и Васильев ощутил острую боль в боку. Он отпрянул назад, лягнул противника... и получил в пах. Это было дьявольски больно, но пацан не стал его добивать, подождал, пока Валера очухается.

– Работать! – рявкнул как будто над самым ухом сэнсэй.

Олежек сорвался с места, но Васильев был начеку и пнул противника на манер футбольного мяча. Мальчишка пинок отбил, но поскольку Васильев был в два раза тяжелее, то пацана все равно отбросило назад. Уже через секунду паренек повторил атаку, Валера пнул его по голени. Попал. Даже с ног сбил. Но сбитый с ног Олежек тут же красивым перекатом встал в стойку, а Васильев, поскольку был босиком, здорово ушиб палец на правой ноге. Третью атаку он встретил кулаком – и схлопотал пяткой в нос. От удара Васильев «поплыл», паренек влил ему под колено, и Валера грохнулся на спину. Правило «лежачего не бьют» здесь не работало. Васильев получил пинок в бок, отбил еще один в голову, успев порадоваться тому, что его противник – тоже босиком, изловчился ухватить пацана за ногу, дернул, свалил... и заработал такой удар в горло, что в глазах позеленело, а пальцы сами разжались. Больше он ловить противника не пытался, а вертелся на спине, отбиваясь руками и ногами по мере сил. Олежек приплясывал вокруг, не давая подняться. Впрочем, Васильев особо и не пытался.

– Стоп! – гаркнул появившийся в поле зрения сэнсэй.

Валерий встал на ноги.

– Ямэн!

Парнишка быстренько поклонился и убежал.

Васильев тоже отвесил поклон, отозвавшийся болью в ребрах и в паху.

Сэнсэй пристально смотрел на него.

«Выгонит», – мрачно подумал Васильев. – С сопляком не справился».

– Пошли, – сказал сэнсэй и отвел его к мешку с песком.

– Смотри и запоминай! – сэнсэй звучно влил по мешку ногой.

Мешок содрогнулся. Сэнсэй ударил еще раз, с другой стороны.

– Понял?

Васильев кивнул и попытался повторить. Удар вышел жалкий.

– Колено выше, – сказал сэнсэй. – И веди его по кругу, вот так. – И показал, как именно. – Доступно?

Валера повторил. Вышло еще слабее, чем в первый раз. Избитый организм отчаянно протестовал, но Васильев, стиснув зубы, терпел и пнул мешок еще раз. Чухлый шлепок, но сэнсэй сказал:

– Нормально. Работай.

И ушел.

Валера «работал». Лупил и лупил по мешку. Стопы сначала горели, потом Валера вообще перестал их чувствовать.

«Это мой шанс, – бодрил он сам себя. – Мой последний шанс!»

Звук хлопка не сразу дошел до его сознания.

– Построились! – скомандовал сэнсэй. – Рэй! – Все поклонились. – Спасибо, до свиданья. Новенький!

Васильев подошел.

– Как тебя зовут?

– Валерий.

– Можешь приходить, Валерий.

– Когда? – У Васильева не осталось сил даже обрадоваться.

– Завтра.

Валерий кивнул и побрел в раздевалку, оставляя на полу кровавые следы. Ноги стер.

В раздевалке на него налетел Юра:

– Ну? Взял?

– Угу, – пробормотал Валерий и рухнул на детскую скамью, не уверенный, что сумеет когда-нибудь с нее подняться.

– Молоток! – Юра явно обрадовался. – Бойцы! У нас пополнение!

В раздевалке возникло легкое оживление.

Некоторые подходили, представлялись. Кое-кто весьма своеобразно.

– Шиза! – худой чернявый мужик со свернутым носом.

– Петренко! – громадный горбоносый хохол, бритый под ежик, с диаконским басом.

– Гавриил! – пацаненок лет двенадцати.

– Олег! – парнишка, который сделал из Валеры отбивную. – Молодец, ловко ты мне ногу поймал! – сказал он, лучезарно улыбаясь.

– На! – Мужчина строгого вида, с аккуратной светлой бородкой, сунул Валере бактерицидный лейкопластырь. – Пятки заклей.

– Пятки? – удивился Валера и рефлекторно потрогал глаз. Глаз уже заплыл.

– Это, брат, пустяки, – усмехнулся бородатый. – Надел темные очки – и порядок. А ноги беречь надо. Дома мумие положи, понял? Петренко, ты на колесах?

– Так и ты на колесах! – пробасил Петренко.

– У меня «стрелка». Подкинь Валерика домой, сделаешь?

– Ну. Давай, друг, одевайся, – здоровяк на удивление деликатно похлопал Васильева по плечу. – Или ты решил еще поработать? Га-га-га!

Валерий почувствовал себя удивительно хорошо, хотя, кажется, ничего целого в его организме не осталось. Его словно завернули во что-то теплое.

«Сдохну, а завтра приду», – подумал он.

Машина Петренко, черный сверкающий «лексус», еще совсем недавно вызвала бы у Валеры легкий приступ неполноценности. Но теперь он без малейшей робости плюхнулся на обитое плюшем сиденье.

– Куда? – осведомился его новый приятель.

– В центр. На Рубинштейна.

– Реальное место, – одобрил Петренко. – Квартира?

– Комната.

– Ну, это ничего, – утешил новый приятель, заводя мотор. – А ты хорошо против Олежки стоял, я глядел.

– Да ладно! – устало вздохнул Васильев. – С мальчишкой не справился!

– Га-га-га! С мальчишкой! Ну ты сказал! Ладно, братила, руки-ноги у тебя есть, а главное – характер. Это, Валера, главное. Ты, Валера, боец. Раз Кремень тебя взял.

– Кремень?

– Сэнсэй. Ты, главное, первое время переможись, потом легче будет. По себе знаю. А я, Валера, не с базара пришел. У меня камээс по боксу. В тяжелом весе. Смекаешь?

– Угу.

«Лексус» гнал по проспекту, безжалостно делая всех и вся. Вел Петренко мастерски.

– Ты, вижу, тоже спортом балуешься? Каким?

– Лыжи. И футбол, так, для себя.

– Нормально! – одобрил новый приятель. – Лыжи – это дышалка. И растяжка. А в футбол мы еще с тобой погоняем! Мы с Силычем каждую неделю играем. Силыч, он тоже футболист. Когда-то в СКА играл, правда, не в основном.

В иное время Васильев непременно заинтересовался бы, но сейчас только вяло кивнул. Доехали.

– Во,– пробасил Петренко, притормаживая и показывая на табличку.– «Дом построен архитектором Хреновым»! Как при царе-батюшке хреновые архитекторы строили, а? Га-га-га!

– Мой дом – вон тот,– показал Васильев.

– Твой? – Петренко притормозил.– Нормальный домик. Беру! Га-га-га! Короче, Валера. Завтра в шестнадцать тридцать жди меня здесь. Подхвачу, у меня хата тоже рядом. Бывай.

И уехал.

Валера кое-как поднялся к себе на второй этаж. Выпил полчайника воды, смазал ноги раствором мумиё, упал на кровать и выпал из окружающего мира.

Проспал Валера до девяти утра следующего дня. Проснувшись, обнаружил, что правый глаз открывается только на четверть. И это еще цветочки. Шипя и ругаясь, Валерий поднялся с постели. Ноги, как ни странно, почти не болели, зато чистку зубов весьма затрудняли распухшие губы. Подумав, Васильев решил принять душ. Собственно, это следовало сделать еще вчера. Заодно Валера изучил повреждения. Синяков было много, побаливали ребра, физиономия выглядела так, что Васильев с легкостью вписался бы в контингент любого вытрезвителя. Радовали подошвы. Мумие сработало. Еще бы дня три – и снова можно бегать. Трех дней у Валеры не было.

– Ни хрена се! – приветствовал сосед Афоня явление Васильева на кухне.– Подрался?

– Вроде того,– прошлепал Валера картофельными губами.

Соседи у Васильева были хорошие. Бойкая бабулька-пенсионерка и ее сын Афанасий – престарелый охламон и алкаш. Но алкаш культурный и не наглый. Только занудный. Еще одна комната пустовала. Хозяева все собирались ее продать, да уж больно подъезд непрезентабельный и коридорчик в квартире с гулькин щип.

Завтракал Валера скромно: картошка с подсолнечным маслом, селедка. По деньгам завтракал, одним словом. Но аппетит на удивление разгулялся.

В институт не поехал. Ну его. В двадцать минут пятого спустился вниз.

Петренко подъехал тик-в-тик. Распахнул дверцу.

– Здорово. Как ноги?

– Нормально, спасибо.

На этот раз у Валеры была возможность насладиться поездкой в крутом авто. И получить удовольствие от музыки и всего остального. Сегодня Петренко не лихачил. И молчал. Думал о чем-то. Доехали, тем не менее, быстро, пробок не было.

Машину Петренко оставил на стоянке у проспекта. Перекинулся парой слов с охраной. Тут его знали.

К залу дошли пешком. Валера почти не хромал.

В раздевалке с ним поздоровались сдержанно, даже как-то холодно. Васильев сразу почувствовал себя неуютно. Но это прошло, когда бородатый протянул ему полиэтиленовый пакетик. В пакетике лежали чешки.

– Спасибо,– растрогался Валера.– А можно?

– Можно.

– Как, впору? – поинтересовался Петренко.

– В самый раз.

– У Силыча – глаз-алмаз!

– Петренко,– сухо произнес бородатый Силыч.– Хорош киздеть.

Огромный хохол смущенно хмыкнул.

Войдя в зал, Васильев понял, для чего предназначались бревна. Тощий Шиза свирепо лупил по одному из обрубков руками и ногами. Сильно лупил, не жалея. Будь на его месте Валерий – сразу остался бы без ног и рук.

Васильев пристроился в углу, разминаться. К нему тут же подошел юный Олежек.

– Не так, – сказал он. – Давай покажу. А ты делай.

И прогнал целый разминочный комплекс. Валерий оценил: ни один сустав, ни одна мышца не остались «холодными».

– Ну давай, – одобрил его усилия паренек. – Делай. Только это лабуда.

– Почему? – удивился Васильев.

– Думаешь, враг будет ждать, пока ты раскачаешься? – удивился в свою очередь юный Олежек. – Сразу надо включаться. Но ты пока давай, тянись. Тебе еще рано.

Хлопок.

– Побежали!

Валера в очередной раз оценил подарок Силыча. Без чешек бег стал бы пыткой.

– Новичок! – рявкнул сэнсэй. – Ко мне.

Остальные продолжали бег.

– Гляди, как они делают, – сказал Егорыч Васильеву.

Валера поглядел. Парни не просто дрыгали руками и ногами в разных направлениях. Они вкладывались в каждый удар.

– Вижу, понял, – проворчал сэнсэй. – А ты машешь, как трусы вытряхиваешь. Даже лоб не вспотел. Марш в круг. Работай.

После пробежки народ опять разбился на пары. На этот раз к Валерию решительно направился Петренко. Одет он был в широкие штаны черного цвета и такую же черную майку. Руки Петренко по толщине могли спокойно конкурировать с ногами средненакачанного человека.

– Ну, Валерик, – сказал он. – Врежь-ка мне в брюхо. Давай, давай, не стесняйся.

Васильев врезал. Петренко поморщился:

– Я ж не девочка, – проворчал он. – Я говорю: врежь, а не пощупай.

Оскорбленный Валера размахнулся и треснул что было силы. Рука заныла, Петренко осклабился.

– Уже лучше. Особенно замах твой деревенский. Пошли.

К стене была прилажена фанера. На фанеру наклеен толстый квадрат пеноплена. Профессиональным глазом Валерий отметил: клей – говно, по краям все отстало.

Петренко утвердился напротив стены, согнул ноги в коленях, примерился и выстрелил стремительной серией ударов. Любой из них наверняка отправил бы Валеру в небытие.

– Делаю медленно, гляди! – Могучее тело Петренко совершило некое волнообразное движение. Прижатый к животу кулак, разворачиваясь по спирали, пошел вперед, соприкоснулся с пенопленом, погрузился в него, по телу Петренко, от ноги к плечу, прокатилась еще одна волна, привинченная к стене фанера скрипнула.

– Еще раз!

Так же неторопливо пришла в движение левая рука, а правая отошла назад, к подбородку.

– И еще. Ну, пробуй. Медленно!

Васильев сделал.

– Локоть прижимай, – сказал его наставник.

Валерий попробовал прижимать локоть.

Петренко только крикнул.

Рядом остановился сэнсэй. Поглядел и отошел.

– Что не так? – спросил Валерий.

– Все не так, – мрачно произнес Петренко.

Неслышно подошел сэнсэй. В руках – небольшой обруч.

– Ты иди, – сказал сэнсэй Петренко. – Поработай с Гошей, у него пары нет.

Поставил кольцо между Валерой и стеной.

– Попробуй сквозь него, – произнес он. – Старайся не задеть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лето окончилось незаметно. Валерий ел, спал, тренировался. Три раза в неделю ходил в институт. Научную работу забросил, занимался только халтурой, хотя денег все равно почти не было. Каждый вечер он приходил в зал. Но этим не ограничивался. По несколько часов в день мучил себя стойками, кихоном и прочей техникой, которую можно отрабатывать в одиночку. Он уже забыл, зачем начал тренироваться. Его захватил сам процесс. В середине сентября, когда листья кленов на набережной, где Валера бегал по утрам, стали рыжими, позволила Лариса.

Лариса была многолетней любовницей Васильева. Связь их прерывалась во времена его браков или когда у Валерия закручивался очередной скоротечный роман, но потом возобновлялась с прежней регулярностью.

– Ты не женился? – с подкупающей прямоотой спросила Лариса.

– Нет, – ответил Васильев.

– Может, заедешь?

Валерий вспомнил, что вот уже несколько месяцев у него не было женщины. Правда, и не хотелось. Но Ларисин голос вызвал в организме знакомое шевеление.

– Приеду, – сказал он. – Сейчас.

– Жду.

Его подруга повесила трубку.

– Господи! – ужаснулась Лариса. – Что это?

Руки Валерия были сплошь покрыты сочными фиолетовыми и лиловыми синяками.

– Не важно, – буркнул Васильев, продолжая раздеваться.

– Ох! – выдохнула Лариса.

Торс Васильева, если и выглядел лучше, чем руки, то только потому, что имел большую площадь.

– Тебя что, избили?

– Вроде того. Ты так и будешь сидеть в свитере?

– Валечка! Как же это?

В роли сострадающей женщины Валерий свою любовницу видел в первый раз. Роль эта ей не шла.

– Кто же тебя так? – продолжала охать Лариса и вдруг поинтересовалась совершенно другим, деловым тоном: – Ты в милицию заявлял?

Васильев свирепо глянул на свою любовницу.

«Ну и дура!» – подумал он.

– Ты поэтому так долго не звонил? – трагическим голосом промолвила подруга.

– Да, – соврал Валерий.

Лариса взирала на него скорбно. Вид у нее был – как у больной курицы.

Валерий пожалел, что приехал.

– Ну? – осведомился он. – Трахаться будем или как?

Лариса спохватилась, стянула свитер, растегнула молнию на брюках.

– У нас час, – сообщила она. – Потом мне в садик, за Кешкой. Господи, кто же это тебя так? – снова ужаснулась она.

– Тебе помочь? – спросил Валерий, наблюдая, как она возится с тесными брючками.

– Я сама.

Лариса не любила, когда ее раздевают. Васильев знал это. Он знал все ее привычки и пристрастия. Васильев подозревал, что он – не единственный ее постельный приятель. Его это не волновало. Оба не строили больших планов относительно друг друга.

– У тебя красивые ножки,– сообщил Валерий, усаживаясь на постель.

– Правда? – кокетливо проговорила его подруга.

Это входило в ритуал. Хотя ноги у нее и верно были неплохие. Да и фигура тоже. Только по лицу и видно, что ей давно уже не двадцать.

Лариса юркнула под одеяло, прижалась в нему:

– Ты тепленький! – И тут же отстранилась.– Тебе не больно?

Валерий сгреб ее в охапку, перевернул на спину.

– Не задавай дурацких вопросов!

– Больше не буду! Ой!

Часа им хватило. Достаточно было бы и тридцати минут. Лариса была нетребовательна, а Валерий давно уже не испытывал в постели с ней огненной страсти. Собственно, никогда не испытывал.

Перед уходом Лариса накормила его супом.

– Ешь, ешь,– покровительственно говорила она.– Знаю я вас, ученых!

Лариса окончила курсы бухгалтеров и ушла из института еще в начале рыночного разгула. В богачки она не выбилась, но и не нищенствовала. Иногда позволяла себе помечтать о богатом муже. Валерий в этой роли на рассматривался, и это его тоже устраивало.

Когда они расстались, Валерий неожиданно ощутил некий подъем.

И на тренировке чувствовал себя легким и стремительным.

– Ты сегодня прямо летаешь! – одобрительно произнес Юра, с которым он отрабатывал кумитэ.– Молодец!

Похвала, впрочем, не помешала Юре раза три отправить Васильева в нокдаун и прилично рассадить ему ухо. Валерий не обижался. Он знал, что и Юра, и Петренко, и прочие с ним деликатничают. Поскольку видел, как его новые товарищи бьются между собой. Другое дело, что удар, от которого Васильев птичкой отлетал метров на пять, у того же Петренко вызывал сдержанное: «Х-ха!» И все.

– Набивка и уклоны,– поучал он Васильева.

Этим вечером Валерий в первый раз попробовал по-настоящему постучать по висячим поленьям. Оказалось, не такие уж они и твердые.

– Тебе что, правда, не больно? – поинтересовался Васильев.

Он отрабатывал удары ногами, используя в качестве макивары торс парня с игривой кличкой Монплефир. Монплефир, тот самый охранник, что когда-то (еще в прошлой жизни) передал Валерию Юрину записку. По комплекции Монплефир мог соперничать с Петренко, но если у жизнерадостного хохла рожа (если не сердить) была нахальной, но добродушной, то ряска Монплефира, сплошь состоящая из выступающих костей и желваков, обтянутых бледной веснушчатой кожей, с глазками, упрятыми глубоко в черепе, вызывала острое желание держаться от этого человека подальше. А вот иметь такого бойца в своей команде – совсем неплохо.

– Искусство «Железной рубашки»,– гордо произнес Монплефир.

– Железная рубашка – это как? – поинтересовался Валерий.

– Это тебе, брат, еще рано. Ты давай бей, не отвлекайся!

Рядом с ними вдруг оказался сэнсэй. А может быть, и не вдруг. Егорыч обладал способностью не обращать на себя внимания. Мог минут десять наблюдать за тренирующимися, а те его вроде как и не видели.

– «Железная рубашка» – первый шаг к вратам мастерства,– уронил сэнсэй.– Не болтай попусту, Монплефир.

Монплефир побагровел. Смутился.

– «Некто Ша,– нараспев негромко произнес сэнсэй.– Некто Ша изучил искусство силача „Железной рубахи“. Сложит пальцы, хватит – отрубает быку голову. А то воткнет в быка палец

и пропорет ему брюхо. Как-то во дворе знатного дома Чоу Пэнсяня повесили бревно и послали двух дюжих слуг откачнуть его изо всех сил назад, а потом сразу отпустить. Ша обнажил живот и принял на себя удар. Раздалось – хряп! – и бревно отскочило далеко. А то еще, бывало, вытащит свою, так сказать, силу и положит на камень. Затем возьмет деревянный пест и изо всех сил колотит. Ни малейшего вреда.

Ножа, однако, боится»¹.

Сэнсэй помолчал, дав время переварить историю, затем сказал Монплезиру:

– Там Шиза без пары. Иди, поработай.– Затем обернулся к Васильеву: – Что скажешь, Валера?

– Надо учиться работать ножом.

Егорыч улыбнулся, что с ним случалось не часто.

– Хорошо,– одобрил он.– Подойди к Олежку. Пусть покажет тебе работу с ножом. Где ножи и рукавицы – он знает.

«Ножи» оказались просто деревянными палочками. К счастью. В первую же минуту Васильев получил «дырки» в сердце, печень, горло и еще дюжину мест, куда проникновение железа категорически противопоказано.

Проведя наглядный урок Валериной безграмотности, Олежек быстренько показал Васильеву азы техники, как держать, как и куда бить, чем встречать атаку, и дал Валерию возможность эти движения отработать. Потом похвалил, хотя с точки зрения Васильева хвалить было не за что. Сам он Олежка не достал ни разу. При этом каждая атака обучаемого завершалась, как правило, «вспоротыми» венами и «перерезанными» сухожилиями на бьющей руке.

---

¹ Пу Сунлин. Рассказы о людях необычайных.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошел октябрь, потом ноябрь. В конце ноября погода неожиданно подалась к теплу. Растаял выпавший уже снег, солнце за пару дней выпило все лужи, даже весной запахло. Уже перелезшие в шубы и дубленки петербуржцы поглядывали на небо и удивлялись. К чему бы такая нежданная перемена?

Васильев на небо не глядел. Но перемены пришли и к нему. И начались с того, что Силыч привез новые макивары.

Заказывал их сам Егорыч. Официально. Ждали их уже месяц. Срок заказа давно миновал, но, как водится в нашем отечестве, пока гром не грянет...

– Грянет! – пообещал Силыч. – Петренко, Монплеzir, завтра с утра – ко мне.

– Точно, мать-перемать! – одобрил Петренко. – Это что им, табуретки?

В общем, макивары привезли через два дня. Сплошная кожа и хромированная сталь. Сэнсэй пощупал, попробовал пружины, кивнул одобительно.

– Петренко, – сказал Силыч, – найди завхоза, дай ему стоху, а то опять вонь подымет. Я завтра мужиков пришлю, стены долбить.

Васильев перевернул один из тренажеров, осмотрел пластину с обратной стороны.

– Можно и не долбить, – сказал он. – Я могу приклеить.

– Приклеить? – недоверчиво произнес Силыч. – Это чем?

– Соплями, – сказал кто-то из мальчишек и захихикал.

– Ша! – вмешался Монплеzir. – Валера – химик. И за базар отвечает.

– А не отвалится? – продолжал сомневаться Силыч. – Мы же не для красоты вешаем.

– Не отвалится, – уверенно заявил Васильев.

– Ну добро, – согласился Силыч. – Попробуй. Сделаешь, мы тебе премию выпишем. Так, Петренко?

– Ясное дело.

Больше об этом не заговаривали.

На следующий день Васильев привез в зал наждак, компоненты клея и все прочее. К вечеру все шесть макивар висели на своих местах, а еще через день их опробовали на практике. Ни одна не отвалилась. Каждый из учеников Егорыча не поленился выразить восхищение работой Васильева.

Теперь Валера знал всех. Учеников оказалось совсем немного. Силыч, который был вроде старосты. Мордовороты Петренко и Монплеzir. Гоша по прозвищу Терминатор, квадратный бородатый мужчина, уступавший Петренко и Монплезиру габаритами, но не силой. Торс Гоши вызывал в памяти вылезший из-под земли корень старого дерева. С Гошей, правда, Валерий почти не общался. Зато с Юрой-охранником они сошлись хорошо. Даже пару раз в баньку сходили и водочки приняли. Еще был Паша-академик, белобрысый, добродушный и слегка тормозной. Не в кумитэ, конечно, а по жизни. И Шица, который оказался очень образованным (с филфаком за плечами), неглупым и приятным в общении. Еще тренировались шесть мальчишек, причем делившихся на две неравные группы: Олежек и Гавриил, которого обычно звали Гариком, корешились со взрослыми и вели себя соответственно. Остальные – обычная пацанва, шумноватая и старших слегка побаивающаяся. Это были те, кто приходил постоянно. Время от времени появлялись и другие. Но не новенькие, а «старенькие», поскольку остальные их хорошо знали.

Профессии у новых друзей Васильева были самые разные, но по разговорам Валерий уже понял: никто из них по специальности не работает. Кроме Паши, который имел диплом фельд-

шера и сутки через семь трудился в «Скворечнике»². Но наверняка Пашина деятельность этим не ограничивалась, поскольку на фельдшерский оклад, даже с «сумасшедшими» надбавками «опель-вектру» не купишь. Впрочем, «опель» этот был у остальных вечным предметом шуток, поскольку все время ломался и, несмотря на «молодость», уже начал ржаветь.

Машины были у всех взрослых учеников Егорыча. У Силыча – даже три, но две, как он утверждал, не его, а фирмы. Однако фирма, насколько понял Васильев, тоже принадлежала Силычу.

В общем, новые друзья Валерия имели на корабле жизни собственные места, если и не в первом классе, то и не на нижней палубе. Как ни странно, для Васильева это уже почти не имело значения. А деньги и прочее... Да Бог с ними! Он нашел себя – вот главное.

Деньги, однако, появились сами. В пятницу Силыч вручил Валере «премию». Четыреста долларов.

– Это много! – возразил Васильев.

– Ничего, – Силыч похлопал его по плечу. – Мы не обеднеем, а тебе пригодится. Сам увидишь.

Валера «увидел».

Тем же вечером Юра и Петренко пригласили его в кабак.

«Выпить, покушать и поговорить», – как сказал Петренко.

Кабак оказался пустынный, уютный и безумно дорогой, поскольку на Невском и с понтом. Кушанья были такие, о которых Васильев даже не слышал. И они действительно стоили своих денег.

Под водочку и приятный разговор о различных аспектах рукопашной Васильев умял столько, сколько дома не съедал за три дня. Но в сравнении с аппетитом Петренко, аппетит Васильева выглядел мышинными потягушками. Два официанта вились вокруг их стола и взирали на могучего хохла с нескрываемым восхищением. Ни один не простаивал.

– А шо? – басил Петренко, уминая очередную порцию. – Я и в армии за двоих кушал. Мне положено.

Единственное, что слегка заботило Васильева: хватит ли четырехсот долларов, чтобы покрыть Петренков аппетит.

Но расплатиться ему не позволили.

– Не суйся, – грубовато пресек Петренко. – Тебе эти гроши завтра понадобятся.

Отстегнув официантам лишку, Петренко велел им принести пива, а самим исчезнуть и не мельтешить.

– У нас, – сказал он, – разговор кон-фи-ден-ци-альный.

– Ну, – спросил заинтригованный Васильев. – Что вы мне такое приготовили?

– Да ничего особого, – ответил Петренко. – Завтра ты, браток, возьмешь свои баксы, пойдешь и купишь пистолет.

– Ты серьезно? – удивился Валерий. – А зачем мне пистолет?

– Для порядку, – пробасил Петренко.

– Традиция такая, – пояснил Юра. – У нас.

С первого прихода должен купить ствол. У тебя первый приход?

– Первый.

– Ну так и все.

Валерий понял: спорить бесполезно. Конечно, это пахло криминалом, и Васильев мог отказаться...

Нет, не мог.

– Ладно, – согласился он. – И где его купить?

---

² Психиатрическая клиника имени Скворцова-Степанова в Санкт-Петербурге.

- На рынке,– ответил Юра.– Подходишь к черным понаглее и интересуешься. Кто-нибудь, да и продаст.
- Или кинет,– сказал Петренко.– Юрок, ты мозгой шевели.
- Пусть учится!
- Угу. Лохов учат...
- Слушай!..
- ...А он и есть лох. Натуральный. Гы-гы!
- Пусть учится! – мрачно произнес Юра.– Пойдешь и купишь, понял?
- Валерий вопросительно взглянул на Петренко, но тот решил больше не возражать.
- Давай,– сказал он.– Завтра я к тебе с утра подъеду и до рынка подброшу. Все. Допивай и поехали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующий день Петренко привез Валерия на Ладожскую, кратко проинструктировал и высадил у входа «Оккервиля».

На вещевых рынках Васильев бывал не раз, поскольку всегда искал, где подешевле. Не из жадности, а по бедности. Черных на рынке хватало, но, когда Васильев доверительно наклонялся и спрашивал насчет оружия, продавцы шмоток глядели на него с опаской и мотали головой. Один, впрочем, предложил газовик, но новые друзья Васильева специально напомнили: только боевой. Никаких вонючек.

После часа бесцельного брожения Валерий проголодался и пошел на вкусный запах жареного мяса.

Шашлык стоил его двухдневной институтской зарплаты, но Васильев решил пороскошествовать. Почему обязательно спускать на пистолет все четыреста баксов?

– Возьмешь? – спросил он чернявого шашлычника, протягивая сто долларов.

– Почем?

– А сколько дашь?

– По курсу.

– Годится. И шашлычок.

– Дорогой!.. – Лицо шашлычника стало скорбным.

– Шашлычок вычтешь, – сказал Васильев, и шашлычник снова заулыбался.

Взяв еще бутылку «коки», Валерий пристроился за одним из столиков.

Он уже доедал шашлык, когда к нему подсел мужик явно «кавказской национальности».

– Слышь, братан, ты пушку спрашивал? – сказал он почти без акцента.

– Ну я, – кратко ответил Васильев.

– «Макар» пойдет?

– Сколько?

– Триста пятьдесят.

– Триста, – возразил Васильев, ощущая себя необычайно крутым.

– Грабишь, – озабоченно произнес «кавказец». – А, хрен с ним. Пусть будет триста.

Пошли!

– Не видишь, я кушаю, – заявил Васильев.

Бросить недоеденным такой дорогой шашлык он посчитал бы кощунством.

– Кушай, – согласился продавец. – Я подожду.

Васильев доел, поднялся с достоинством.

– Куда пойдем?

– Где тихо, – оглядевшись по сторонам, ответил «кавказец». – Ты один?

– Один.

– Давай деньги.

– Не пойдет, – Васильев усмехнулся, вспомнив про «лоха». – Деньги – товар. Знаешь такую пословицу?

– Ладно, как скажешь. Иди со мной.

Они вышли с территории рынка, пересекли автостоянку. За ней громоздились одноэтажные строения складского типа.

– Далеко еще? – спросил Васильев.

– Уже пришли, – ответил «кавказец» и проворно отскочил в сторону.

Васильев удивился, но удивлялся он недолго.

Из-за штабеля ящиков вышел еще один персонаж. В руках персонаж держал то, что Валерий собирался приобрести. Но не похоже, чтобы персонаж собирался продавать.

– Дэнги давай! – заявил персонаж, многозначительно покачав стволом.

Васильев оглянулся на своего проводника.

– Давай, давай, – поторопил тот. – Керим нервный, только с войны пришел. Ты его не дразни.

– Нет, так не пойдет, – сердито возразил Васильев, прикидывая, удастся ли броском достать нервного Керима. Или хотя бы удрать.

Нет, не удастся. Может, он не рискнет стрелять?

– Убью, – пообещал Керим, прочитав его мысли. – Дашь живой – маладэц. Нэт – мертвый дашь.

Он не шутил. И не блефовал. По роже видно.

Валерий полез за бумажником.

«Хоть шашлыка поел», – подумал он.

Внезапно тот, кто завел Васильева в западню, издал гортанный возглас. Васильев поднял глаза и увидел за спиной Керима ухмыляющуюся физиономию Петренко. А сбоку, шагах в десяти, у противоположного угла склада стоял Юра и держал в руках небольшой автомат без приклада.

– Аккуратно и медленно положил пушку на землю, – прорычал Петренко.

Керим послушно наклонился, и Васильев увидел в руках у Петренко точно такой же автомат.

Керим положил пистолет, но распрямиться не успел. Петренко отвесил ему смачного пинка, и кавказец, пролетев метра четыре, растянулся на земле.

– Встал! – рявкнул Петренко. – К стене, пидерасня! Руки на затылок, ноги расставил! И ты тоже! Юрок!

Юрий сунул автомат слегка ошарашенному Валерию и быстренько обшарил вымогателей.

У обоих обнаружились ножи, но огнестрельного больше не было, только у Керима – пара запасных обойм.

– Что ж это вы, макаки черножопые, на чужой территории беспредельничаете? – ленивым голосом осведомился Петренко.

– Это наша территория! – возразил тот, что вел Васильева.

Юра шумно вздохнул и неожиданно выбросил ногу. Тяжелый ботинок впилился в поясницу «кавказца».

Валерий вздрогнул. Он очень хорошо представлял, какой силы этот удар. А «кавказцу» и представлять не пришлось.

С воплем он распластался на стене, начал оседать наземь.

– Стоять! – зарычал Петренко, и пострадавший, вполголоса ругаясь по-своему, остался стоять, только несколько перекосялся.

– Ноги расставил, козел! Может, мочкануть их? – предложил Петренко.

– Можно и мочкануть, – согласился Юрий.

Васильев глядел на происходящее, как через толстое стекло.

– Как, черножопый, жить хочешь?

– Хочу, – глухо ответил Керим.

Его приятель тоже промышал что-то, присоединяясь.

– Ладно, – сказал Петренко. – Живите. Помните нашу доброту.

И кивнул Юрию.

Тот сцепил руки и с размаха треснул кидалу по затылку. Тот рухнул. Второй – тоже: Петренко огрел его рукоятью «трофейного» пистолета.

– Вот так делаются дела, – сказал он, вручая пистолет, обещанный «макаров», кстати, Васильеву. – А теперь – ходу. Это, действительно, их территория.

– Как вы меня нашли? – уже в машине спросил Валерий.

– Тебя? – Юра засмеялся. – Без проблем. Сначала срисовали этих, а потом сели на хвост второму. Потому что, ежику понятно, к кому тебя приведут.

– Лохов учат, – пробасил Петренко, не оборачиваясь. – А ты – лох. Верно, Юрок?

– Верно, – согласился тот. – Но ты – наш лох. Поэтому учим тебя мы, а не кидали черно-жопые. И мы тебя научим, не сомневайся.

– Я и не сомневаюсь, – сказал Васильев.

Пистолет оттягивал карман, одновременно пугая и ободряя. Но настроение у Валерия было прекрасное. Нет, это чертовски приятно, когда ты – часть команды. И даже имеешь право не платить за ошибки, потому что и ты, и твои ляпы, совершенные по невежеству и неумению, заранее учтены и исправлены. Главное – честь не уронить.

– На вот, хлебни, – Юра протянул Васильеву банку с пивом. – Как сердечко, не жмет?

– Нет.

Юра взял Валерино запястье, нашел пульс.

– Как у слона, – с удовлетворением констатировал он. – Наш человек, а, Петренко?

– Егорычу, значит, ты больше не доверяешь? – ухмыльнулся Петренко.

– Уел! – Юра хохотнул. – Ладно, поехали. Только тихонько, помни, что везем.

– Не учи мамку галушки делать! – фыркнул Петренко.

«Лексус» тронулся, аккуратно выехал со стоянки и небывалой для Петренки скоростью в шестьдесят километров покатился по проспекту.

Васильев пил холодное пиво и сам себе удивлялся. Ведь этот черный Керим и впрямь мог запросто его пристрелить. А страха – ни на миллиграмм.

Неожиданно Васильева прижало к спинке сиденья – Петренко прибавил скорость. Стрелка прыгнула до восьмидесяти, потом до девяноста. Лексус запетлял между машинами.

– Юрок, – незнакомым, лишенным интонаций голосом позвал Петренко. – Глянь взад, серая «жигулятина».

Юра повернулся, поглядел:

– Ну, есть такая.

– Висит на хвосте уже минут десять.

– Думаешь, не случайная?

– Жопой чую. Больно пряткая. Не по фасону.

– Менты?

– Может, и менты. А может, и не совсем. Где-то мы прокололись.

Петренко, угадав зеленый, прибавил и рванул на Охтинский мост, километрах на восьмидесяти, вливая в потоке машин, перекатился через Неву, прибавил, выскочил на Суворовский. Серый неприметный «жигуль» упорно висел на хвосте.

– Позвонить – пусть встретят? – спросил Юрий.

– Не надо светить лишних. Сейчас я сверну, тормозну, и ты со стволами соскочишь в подворотню. Дом там порушенный. Удобный. А мы с Валерой встанем. И поглядим.

– Годится, – кивнул Юра. – Валерик, пистолет.

Собрав все оружие, он приоткрыл дверь, приготовился.

Петренко свернул, ударил по тормозам. Юра коlobком выкатился наружу и исчез в подворотне. «Лексус» встал двадцатью метрами дальше.

Серый «жигуль-девятка» вывернулся буквально через пару секунд, пронесся мимо, визгнул тормозами и тоже встал. Все четыре дверцы его распахнулись, наружу вывалили четверо и направились в «лексусу». Все – в штатском, но двое – с автоматами на изготовку.

– Сиди тихо и скромно, – процедил Петренко.

Один из четверки постучал автоматом по стеклу.

– Выйти из машины, – скомандовал он. – Оба. Ноги расставить, руки на капот.

Памятью указание Петренко, Валерий выполнил команду точно и молча.

Их быстро и умело обыскали. У Юры ничего не было, кроме кошелька с деньгами. У Петренко изъяли бумажник и права. Затем двое обшарили машину. С нулевым результатом.

– Где оружие? – Один из автоматчиков ткнул Петренко стволом в поясницу.

– Не борзей, – предупредил Петренко.

– Где стволы, кабан? – закричал автоматчик. – Хочешь, чтоб мозги из ушей полезли?

Валера услышал глухой удар.

– Ну ты, это... – укоризненно проговорил кто-то из четверки.

Васильев повернул голову и обнаружил, что Петренко сполз к колесу и лежит неподвижно. Валерий не испугался. Его охватила холодная ярость. Автоматчик за его спиной отвлекся, глядел на упавшего.

«Подставился», – мелькнула мысль. Не раздумывая, он с разворота ударил автоматчика ногой в затылок. Первый раз в жизни он использовал в деле то, чему учился. Эффективно использовал. Автоматчик завалился рожей в асфальт. Его коллеги отреагировали с похвальной быстротой. Двое отпрыгнули назад и полезли за пазуху, третий стремительно развернулся, вскидывая автомат... и оказался в медвежьих объятиях внезапно ожившего Петренко. Ладони могучего хохла накрыли руки автоматчика, развернули ствол в направлении двух остальных, и те застыли. Прихваченный автоматчик ущемленным зайцем дергался в лапищах Петренко, пинал его каблуком в голень, но победитель не обращал на него внимания.

– Мы из милиции! – запоздало выкрикнул один из оказавшихся на мушке.

– Поздно пить боржоми, когда почки отвалились! – ухмыльнулся Петренко. И треснул лбом по затылку трепыхавшегося. Тот обмяк. Петренко отпустил его, брезгливо отпихнул ногой.

– Сошли с дороги и легли на пузо! – скомандовал он. – Руки за голову, и, не дай Бог, кто дернется – пополам разрежу.

Валерий не удивился, когда оба приятеля в точности выполнили сказанное. Физиономия Петренко не сулила ничего хорошего.

– Обыскать их? – предложил оживившийся Васильев.

– Кому надо – обыщут, – ответил Петренко. – Телефон мне принеси.

– Силыч, – пробасил он в трубку. – Сыграй вариант семь. Угол Суворовского и Шестой Советской.

– Что теперь? – спросил Васильев.

Он жаждал действий.

– Теперь ждем, – флегматично отозвался Петренко, одной рукой прихватил за шкуру того, кого свалил Валерий, второй – своего и тоже отволоч на газон.

– Приглядывай за ними, – сказал он.

Улочка оказалась нелюдная, а редкие прохожие, углядев черную иномарку, оружие и тела на газоне, разумно меняли маршрут.

Первая машина появилась минут через двадцать и высадила двух совершенно не воинственных пассажиров: тетку лет пятидесяти да дедка-ветерана с полосками орденов – и уехала.

Петренко направился к ним. Разговор занял минут пять, после чего тетка и дедок откочевали в сторонку.

– Валерик, – сказал Петренко. – Если что, говори правду и только правду, – и наклонившись к уху. – Но про Юру забудь.

Еще через десять минут объявился целый кортеж. «Форд» с милицейской мигалкой на крыше, микроавтобус, тоже с милицейской полосой, черная «Волга» без специальных знаков и «скорая помощь». Все сразу и под развеселую сирену.

Петренко аккуратно положил автомат на капот «лексуса». Юра последовал его примеру. Из микроавтобуса выскочило полдюжины парней в камуфле. Быстренько рассредоточились, один подхватил автоматы, понюхал стволы, кивнул и взял на контроль Петренко и Васильева.

Валерий недоумевал. Но недолго. Из «Волги» вышли двое посолоней и направились к ним. Уложенные на газон зашевелились.

– Лежать, суки, – зарычал один из камуфлированных.

– Мы... – Пиннок десантного ботинка оборвал реплику.

Двое солидных подошли в Петренко. Один представился:

– Старший следователь городской прокуратуры Еремин.

Второй просто пожал Петренко руку.

– Что произошло? – строго спросил старший следователь.

– Нас остановили эти четверо, – сказал Петренко. – Угрожая оружием, заставили выйти из машины, отняли деньги и документы и начали избивать. Мы... хм... оказали сопротивление.

И вот... – Он кивнул на уложенную четверку.

– Под угрозой оружия? – усомнился следователь.

– Мы можем! – Петренко осклабился.

– Они могут, – подтвердил спутник Еремина.

Подошел еще один мужчина в штатском, окинул Васильева и Петренко цепким взглядом.

– Один кричал, что он милиция. Это когда мы их уже... того.

Следователь построжел.

– Предъявил документы?

– Нет. Но за пазуху полез. Не знаю, как документы, но ствол там точно просматривается.

– Вы их обыскивали? – недовольно спросил следователь.

– Как можно! Мы же не милиция, мы просто граждане.

Третий в штатском засмеялся.

– Сережа, – сказал ему следователь, кивнул на отдыхающую четверку, – посмотри, что у тех.

Напавших подняли с газона, обыскали. Добычу названный Сережей принес и разложил на капоте «лексуса». В том числе два эмвездэшных удостоверения.

– Это мой, – сказал Валерий, показав на бумажник. – Там у меня должна быть квитанция на квартплату.

Еремин раскрыл бумажник. Квитанция была. А также доллары и рубли.

– А это мой, – показал Петренко. – Да ладно, гражданин старший следователь! Раз это ваши – то у нас претензий нет. Знаем же, что бюджетники. У них же зарплата – два раза пива попить. Ну, решили ребята немного подзаработать, ясное дело. Вот драться не надо было, это точно, а деньги, ну, ясное дело, дети там, семья, жить-то надо...

Пока он говорил, лицо Еремина медленно каменело.

– Их зарплата – это не ваше дело! – яростно отчеканил старший следователь. – А побои я вам рекомендую снять, если вас, действительно, били.

– Прикажете снять – снимем, – Петренко вздохнул. Потом провел рукой по затылку и продемонстрировал ладонь. Ладонь была в крови.

– Я их знаю, – сказал тот, что жал руку Петренко. – И могу поручиться.

– Вы лучше найдите свидетелей, – сердито бросил следователь. – А это, – кивок на бумажники, – приобщите.

– Можно мне взять часть денег? – попросил Валерий. – Это у меня все. Сегодня заказ оплатили.

Еремин хмуро поглядел на него, но разрешил:

– Берите. Под расписку. Позже получите остальное, полностью, – последнее слово он подчеркнул интонацией.

Приблизился один из камуфлированных. С ним – дедок и тетка, прибывшие первыми.

– Свидетели, – сказал камуфлированный.

– Что вы видели? – строго спросил следователь.

– Все! – гордо заявил дедок. И тетка закивала.

– Я тут случайно, – затарахтела она, – мне тут средство от тараканов...

– Стоп, – оборвал Еремин. – Поедете со мной.

Дедок важно кивнул, а тетка засмушалась:

– Да мне домой, мне...

– Надо, – веско произнес следователь. – Надолго не задержу. Сережа, ты со мной. Вы... – взгляд на Петренко и Васильева, – пока свободны. Вас вызовут. Если не соврали – как потерпевших. Побой снимите.

И удалился.

Его спутник протянул руку Петренко и, на этот раз, Валерию.

– Спасибо, – поблагодарил Петренко.

– Взаимно. Свидетели-то подтвердят?

– Сто процентов.

– Тогда удачи.

Валерий и Петренко сели в машину и пронаблюдали, как загружают в машину злополучную четверку.

– Подождем пару минут, – сказал Петренко, когда все уехали.

«А ведь это серьезно! – подумал Васильев. – Кто же они, черт возьми, такие – мои новые друзья? Какая-нибудь спецслужба? Или немерено крутые бандюки?»

Нет, бандюки вряд ли. Конечно, у того же Монплезира морда натурально бандитская... Но ни Силыч, ни Кремень точно бандитами не были. В этом Валерий был убежден. Некая мощная охранная структура? Может быть... Да какая на самом деле разница? Со временем все выяснится, а пока радоваться надо, что ты теперь – часть настоящей силы.

«Разве ты не этого хотел?» – спросил себя Валерий.

«Нет, – ответил он сам себе, – не этого».

Он даже и не думал о том, что приобретет не только силу, но и друзей. И будь он проклят, если друзья для него теперь не важнее силы.

Спустя некоторое время из подворотни появился Юра с грязным бумажным пакетом в руках.

– Багажник открой, – сказал он, – а то я тебе всю обивку изгажу.

Усевшись на заднее сиденье, он похвалил Валерию:

– Молодец, братишка! Я все видел.

– Да, – присоединился Петренко. – Добре сработал. Жить будешь.

Васильев аж покраснел от похвалы.

– Куда теперь? – спросил он.

– Как куда? – удивился Петренко. – В травму. Побой снимать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Домой Васильев вернулся с полным мешком дорогой еды и справкой из травмпункта, из которой явствовало, что Валерию нанесли телесные повреждения средней тяжести. Небольшое денежное вспомоществование помогло врачу-травматологу, бабушке лет семидесяти, не разглядеть, что некоторым повреждениям уже недели две сроку.

По правде говоря, Васильев уже привык к тому, что бока его покрыты следами молодецких ударов, а предплечья и голени – отметинами не менее молодецких и не менее болезненных блоков. Партнеры по кумитэ с ним теперь почти не церемонились. Разве что не били в полную силу по уязвимым местам и голове. Но и «неполного» хука Петренки Валере хватало. Что приятно, так это то, что Васильев уже научился давать сдачи. Разумеется, против тяжеловесов и даже «середняков» типа Юры он не тянул. Но однажды ухитрился сбить с ног тощего Шизу, чему тот был необычайно рад. Впрочем, в реальном деле сбив не дал бы Васильеву никакого преимущества: Шиза вскочил раньше, чем Валера успел его «добить». Работая с товарищами по занятиям, Васильев привык к тому, что большинство его ударов воспринимаются как комариные укусы. Сегодня же, завалив на асфальт вполне крепкого и наверняка кое-что умеющего мужчину, Васильев осознал: не такой уж он слабак. И сознание это было приятно.

Набив холодильник продуктами и бросив на сковородку шмат доброго телячьего мяса, Васильев решил, что на борт Корабля Жизни он уже взобрался. Причем сразу оказался в отличной компании, так что свалиться обратно ему не дадут. Если он будет соответствовать. А уж в этом можно не сомневаться. Не было случая, чтобы Валера Васильев поставил себе цель, а на полпути свернул с дороги.

Привлеченный мясным духом, на кухню забрел сосед. Поглядел на Валерию, жующего бутерброд с нежной рыночной ветчиной.

– Что, зарплату вернули?

– Халтура, – помотал головой Васильев. – Ветчины хочешь?

– А чего-нибудь покрепче?

– Чего нет, Афоня, того нет! – Валерий засмеялся.

– Это неправильно, – строго сказал сосед. – Ты, Валерка, традиций не знаешь! Халтуру тем более обмывать положено.

– Зато ты традиции знаешь, пьяница! – на кухне появилась Афониная мать.

Валерий быстренько ретировался. Назревала шумная дискуссия, в которой каждая из сторон полагала его союзником и арбитром.

Следующие четверть часа Васильев посвятил поискам хранилища для ПСМ. Наконец остановился на торшерном столике. Приладил снизу проволочные петли. Две побольше, две – поменьше. В большие вставил сам пистолет, в меньшие – запасные обоймы. Нормально. Случайный человек не наткнется. Торшер был тяжелый, сталинских времен, основательный до невозможности и очень удобный. Валерий привязался к нему с детства и потребовал в собственность, когда разменивался с родителями. Родители Валерия уже десятый год жили в Симферополе, а уехали потому, что эскулапы посулили Васильеву-старшему скорую кончину, если тот не сменит климат. Так что разменяли двушку на Ваське на двушку же в Симфи и эту комнату.

Не соврали эскулапы. На крымском воздухе отцовы болезни пропали, батька опять пошел работать и хорошо зарабатывал даже по питерским меркам, поскольку классный автомеханик. Пытался даже сыну денег подкинуть, но Валерий не брал: стеснялся, во-первых, во-вторых, считал, что им и самим надо. Мать не работала, сестра училась в Симферопольском университете. Красивая девка выросла. И практичная. Не в пример старшему брату.

Взгляд Валерия упал на «мыльницу», магнитофон фирмы «Повасоник», мерзкую отрыжку то ли Польши, то ли Болгарии.

«А что? – подумал он. – Пойду и куплю нормальную музыку! Прямо сейчас! Или нет, сначала поем».

Мясо поспело, приправленное и обжаренное в сухариках. Васильев распечатал бутылочку «Калинкина», утаенную от Афанасия, достал с полочки роман «Анахрон», самую прикольную книжку, какая ему подворачивалась за последние годы, и принялся наслаждаться. Ей-Богу, вчера в ресторане он не получил такого удовольствия.

После обеда, завершеного крепким, собственноручно сваренным кофе, Васильев прихватил две сотни долларов и спустился вниз. Продав доллары чернявому парнишке у обменника, Валерий прошелся по магазинам вдоль Владимирской и приобрел даже и не просто магнитофон, а музыкальный центр «Панасоник».

Ощущая себя богатым и довольным, Васильев глянул на часы: пятнадцать сорок восемь. Пора собираться на тренировку.

Выйдя в коридор, позвонил на мобильник Петренко.

– Подхватишь меня?

– Без проблем.

Счастье было полным. Но где-то на краю сознания маячил вопрос: какие еще традиции существуют у его новых друзей, кроме приобретения пистолета с первой полочки?

Страшного предполагать не хотелось. Не могут такие отличные парни заниматься дрянными делами. А если могут?

«По фиг!» – честно признался сам себе Васильев.

Чем бы они ни занимались, обратно ему хода нет. Да и некуда.

Рассчитывая, что его вот-вот введут в курс дела, Валерий ошибался. И Петренко, и Юра вели себя так, будто ничего не произошло. И в этот день, и на следующий. А на третий день большая часть группы попросту отсутствовала на тренировке. Были только пацаны (кроме Олежка и Гарика) да Паша-Академик. После обычной разминки Егорыч принес коробку теннисных мячей, поставил Пашу и Валерия к стене, запретив сдвигаться больше, чем на шаг. А затем велел пацанве произвести «расстрел», наказав при этом целить по уязвимым местам.

Через пару секунд Валерий убедился, что успевает защитить исключительно эти уязвимые места да физиономию. И то не всегда. Раз три он довольно чувствительно получил по уху. Скоро он перестал следить за летящими мячами (все равно бесполезно) и сосредоточился только на узком пространстве вокруг себя. Это было чем-то похоже на работу с завязанными глазами: не на зрении, а на ощущении. Сразу стало легче. Теперь Валерий отбивал почти половину мячей. От некоторых даже успевал уворачиваться. Дальше – еще лучше. Наконец настал момент, когда Васильев отбил три удара из трех. И получил возможность поднять голову. И убедился, что «ловкость» его имеет вполне объективную причину. Причина же была в том, что Паша ловил мячики и аккуратно складывал их к ногам, выводя из игры. Поймав взгляд Васильева, он белозубо улыбнулся.

Игра прекратилась через минуту. Причем последний мяч (и единственный) поймал сам Валерий.

На этом разминка закончилась.

Флегматичный и медленно соображающий в обычных делах Паша в спарринге совершенно преображался, становился быстрым, хитрым и опасным. То есть движения его казались такими же неторопливыми. От любой, тщательно подготовленной атаки Валерия он оборонялся с нарочитой небрежностью. Вяло так отмахивался... Но, хотя блоки его не отзывались болью в конечностях Валерия, тем не менее он как-то необъяснимо путался в этих самых конечностях и в конце концов оказывался в полуметре от противника, совершенно открытый

и беззащитный. Тогда Паша награждал Васильева парой-тройкой тычков, от которых Валерий отлетал назад, плюхался на пол или секунд пять приходил в себя.

– Как это у тебя выходит? – спросил Валерий, когда Егорыч скомандовал передышку.

– А я у мишки учился, – улыбаясь во весь рот, пояснил Паша. – Видал, как мишка лапами машет? – Он поднял над головой руки, заревел, приседа и пританцовывая.

Вокруг тут же собрались пацаны, а Паша продолжал ломать комедию, изображая медведя. Выходило похоже. Пацаны хохотали.

Представление прервал сэнсэй, рывкнув:

– Работать!

– Ну, понял? – спросил Паша.

– Да вроде бы, – неуверенно проговорил Валерий.

– Ну тогда становись.

И избиение младенцев возобновилось.

В качестве компенсации Паша подвез Васильева домой. По дороге Валера осторожно поинтересовался: где весь народ?

– Вот завтра придут – и спросишь, – ответил Паша-Академик.

На следующую тренировку, точно, пришли все. Причем у Юры была забинтована кисть левой руки.

– Где это ты? – поинтересовался Васильев.

– Порезался, – последовал лаконичный ответ.

– Валера, – окликнул Васильева Силыч. – Подойди, пожалуйста. На вот. Возьми.

Он протянул серенький бланк.

Бланк оказался повесткой в прокуратуру.

– Это по тем ментам? – спросил Васильев.

Силыч неопределенно пожал плечами.

– А что говорить? – осторожно спросил Валерий.

– Это уж тебе, Валера, лучше знать. Меня там не было.

– Понял, – сказал Васильев.

И он действительно понял.

Визит в прокуратуру, а равно беседа со следователем прошла гладко. Подловить его следователь не пытался. По лицу видно: факты в его мозгу уже выстроились, и допрос Валерия (пострадавшего) – почти формальность. Васильев со своей стороны не жаловался, слегка упирал на то, что претензий не имеет, но с другой стороны, справку из травмы представил, и справка была приобщена. Расстались довольные друг другом.

Прошел еще день, и еще один, ничем не выдающийся, кроме того, что неожиданная оттепель сменилась свирепым пятнадцатиградусным морозом. Проснувшийся утром от свирепого дубака Валерий в качестве зарядки заделал оба окна размоченным в воде асбестом. В институте профсоюзная тетка попытались снять с него деньги в какой-то фонд.

– У меня грантов нет! – грубо ответил Васильев.

– Ну и напрасно! – тетка явно обиделась.

Часа два Васильев потратил на то, чтобы расфасовать по банкам сваренный три дня назад универсальный клей. Заказ для автомастерской. Раньше этим клеем клеили корабли. Космические. Теперь выставленную перестройкой на всеобщее обозрение секретную пропись Васильев использовал в целях обогащения. Лет двадцать назад за подобное его посадили бы лет на пятнадцать. Но в те времена, слава Богу, Васильев занимался химией на уровне перекиси ацетона и селитросахарных дымовух.

К трем Валерий закончил, проглотил в институтской столовой мертворожденную котлету и поехал на тренировку.

В зале было немногим теплее, чем на улице. Батареи грели чисто символически. Но стараниями Егорыча Васильев согрелся очень быстро. А чуть позже даже вспотел, когда, поставленный в пару с Шизой, вынужден был отрабатывать защиту от ножа. Результатом этой работы стали новые синяки и приличная ссадина на виске. Иногда Шиза развлекался тем, что заранее объявлял, в какое место будет нанесен удар. Блокировать удар Васильев, как правило, не успевал. Шиза веселился. Пока не подошел сэнсэй и не взялся Васильева обучать, используя Шизу в качестве подвижной куклы. Двигался сэнсэй так, чтобы Валерию была видна каждая деталь. Вероятно, Шизе тоже было все видно, но, как недавно Васильев, сделать он ничего не мог. Кремень неизменно перехватывал его руку, фиксировал, заводил, выворачивал так, что Шиза аж зубами скрипел. Выглядело все невероятно просто. Как будто Шиза Егорычу подыгрывает. Но по физиономии партнера Валерий видел – ничего подобного.

– Давай ты, – скомандовал сэнсэй.

Васильев «дал» – и получил деревяшкой в печень.

– Дистанцию чувствуй, спешись. – сказал Егорыч. И Шизе: – А ты не хитри. Хитрить со мной надо было.

На этот раз у Валерия получилось. Перехватил, вывернул, подтолкнул – и Шиза с ходу «сел» на нож. Был бы настоящий – вошел бы по рукоятъ.

– Вот! – похвалил сэнсэй. – А теперь с поворотом на залом.

Вышло и это.

– Руку его вверх приподнимай, – посоветовал Егорыч. – Во-во! Чтоб на носочки встал!

Шиза шипел, преодолевая боль.

– Главное, – учил сэнсэй – не побольше выкрутить, а выкрутить в нужную сторону. Так ты хоть до затылка дотяни, толку немного. А вот если сюда...

Шиза со свистом выпустил воздух. От боли его пробил пот. Но – терпел.

– Примерно досюда, – наставлял Кремень. – Возьмешь повыше – вывихнешь руку, а если резко – то и связки порвешь. Когда делаешь болевой, делай так, чтобы противник обо всем позабыл, кроме боли. Тогда он твой.

Он отпустил бедного Шизу, и тот присел на корточки, переводя дух.

– На одном приеме не закливайся, – продолжал сэнсэй. – И сочетай. Блок-удар-захват. Да об остальном не забывай. Если противник с ножом, это не значит, что он безногий и однорукий. Ну давайте, работайте. – Кремень похлопал Шизу по спине (одобрил выносливость) и отошел.

– Ты как? – спросил Валерий. – Жив?

– Нормально, – Шиза выпрямился. – Только давай я пока с левой поработаю.

– С левой так с левой, – не стал спорить Валерий.

После тренировки Петренко сам предложил Васильеву подвезти. Но когда сели в машину, ехать не торопился. Сначала Валерий подумал: двигатель греет. Но прошло минут пятнадцать, а «лексус» все стоял. А Петренко молчал. И все попытки поговорить игнорировал. Васильев уже начал беспокоиться, когда в машину нырнул Силыч.

– Уф! – сказал он. – Морозец крепчает. Ну как, новичок, созрел для разговора?

– Давно, – буркнул Васильев.

Новичком его даже Егорыч давно уже не называл.

– Это хорошо, – кивнул Силыч. – Разговор будет долгий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Все оказалось почти так, как предполагал Васильев. Его новые друзья не имели отношения ни к торговле оружием, ни к наркотикам, ни к рэкету. Они продавали услуги. Но не в торговле-приобретении недвижимости и не в области евроремонта. Новые друзья Валерия торговали силовыми акциями. Кто и как натолкнул их на этот рискованный бизнес, Силыч не распространялся. Скорее всего, он сам все и организовал. А с кадрами ему помог сэнсэй. Сам Егорыч в акциях участия не принимал. «Кремень – в стороне», – сразу уточнил Силыч. Но кадры для Силыча подбирали именно сэнсэй. Настоящих бойцов. Их Егорыч нюхом чуял. Конечно, битых-тертых, обстрелянных парней, таких, что не наложат в штаны под дулом автомата, а заставят наложить в штаны хозяина автомата, в Питере хватало. Но среди нюхнувших крови и пороху далеко не все умели держать язык за зубами. Не годились и те, кто мог устроить по пьяному делу пальбу по живым и неживым мишеням или без нужды затеять меряться крутизной с круглоголовыми отморозками. Нужны были те, кто в случае нужды положит и крутизну, и отморозков, но тихо и незаметно для общественности. Силыч особо подчеркнул: незаметность – основа всего бизнеса. Есть профи куда круче их. Есть такие волки, что за минуту накрошат дюжину таких, как Васильев. И таких, как Петренко.

В этом месте Петренко недоверчиво хмыкнул.

– Ты не хрюкай, – одернул его начальник. —

Я знаю, что говорю.

После этой реплики гипотеза Васильева о том, что некогда Силыч и сам принадлежал к клану «профи», еще больше укрепились.

– Мы пользуемся приемом «железный джихад», – сказал Силыч. И тут же пояснил: – Если, например, нужно убить нехорошего человека, его убивают и оставляют на нем табличку: «Это сделал „железный джихад!“» И все верят. А железный джихад не верит, но не возражает. Поскольку повышается его авторитет.

В общем, если о деятельности компании Силыча узнают те, кто понес от нее ущерб (а таких немало), то всех компаньонов ждет конец. Неотвратимый и болезненный. Поэтому играют в команде только те, у кого нервы армированы титановой проволокой, а воля – как лобовик танка. Настоящие бойцы. Вот тут и вступает в игру Егорыч, который враз определяет, кто настоящий, а кто прикидывается. И прикинувшихся гонит взашей.

– Но, – еще раз напомнил Силыч, – Кремень в наши игры не играет. Хотя и не против. Потому что главным в жизни считает воспитывать бойцов, а бойцом на одном только татами не станешь. Так считает Кремень. Конечно, мы тоже проверяем, каков экземпляр. Обстреливаем, так сказать.

– Когда? – спросил Васильев.

– Что – когда?

– Меня когда проверите?

– Уже проверился, – пробасил Петренко. – Годишься. Рядовой необученный.

– Вопросы есть? – перебил Силыч.

– Надо подумать.

– Думай. На что смогу, отвечу.

– Да это не так важно, – махнул рукой Валерий. – Я согласен.

– Не понял?

– Ну, я согласен войти в команду.

Петренко хохотнул. Похлопал Васильева по плечу.

– А тебя, Валера, извини, никто и не спрашивает, – сказал Силыч. – «Нет» у нас говорить не положено.

– Уж если черт тебя съест... – пробасил Петренко.

– Анекдотами потом будете развлекаться, – строго произнес Силыч. – Поручаю тебя Петренко. Спокойной ночи.

Когда он вылез, Петренко сразу тронул машину.

– Что за анекдот? – спросил Васильев.

– Да как раз про тебя. О салабоне, которого в армию загребли. Приходит он, значит, к цыганке: погадай, говорит. Цыганка ему и толкует. Забрили тебя, значит, это еще ничего. Нормально. Тут есть два выхода. Будет война или не будет. Ну если не будет, то все ништяк. А если будет, тут есть два выхода. Запердолят тебя на фронт или не запердолят. Ну если не запердолят, то все путем. А если запердолят, то тут есть два выхода. Или ты соскочишь, или тебя мочканут. Ну если соскочишь, то все схвачено, а если мочканут, то тут есть два выхода. Или ты попадешь в рай, или в ад. Ну если в рай, то все в кайф. А если в ад, то тут есть два выхода. Стопарнет тебя там черт или не стопарнет. Ну если не стопарнет, то пруха, а если стопарнет, то тут есть два выхода. Или черт тебя схавает, или нет. Ну, если не схавает, тогда ладно. А если схавает... Тут уж выход только один! – Петренко заржал. Потом его потянуло на философию.

– Ты, братишка, только не думай, что мы, типа, Сталлоны с Вандамами. Ни хрена. Нормальный бизнес, и мне лично нравится. Хотя, я прикидываю, польза от нас народу есть. Вот я тут по телеку фильмец смотрел. Африканский. Про грифов. Знаешь, птицы такие, сами черные, бошки лысые, когти – во! – Он показал, какие именно. – Знаешь?

– Знаю, – кивнул Васильев. – Ты бы лучше руль держал – дорога-то скользкая.

– Ни хрена не будет. Ты дальше слушай. Значит, грифы эти называются стервятники. Падаль всякую жрут. Тухлятину. Противно, конечно, но надо. Иначе вся Африка к херам протухнет. И потому польза от них офуенная. Чистильщики они. Вот и мы, братишка, – тоже стервятники, чистильщики. Падаль всякую жрем – и народу легче, и сами кормимся. Такая тема. Что скажешь, Валерик?

Васильев пожал плечами:

– Что я могу сказать?

– Ну, ты же умный, институт кончил. Похоже я слепил?

– Откуда я знаю, я же с вами еще не играл. Разве что в футбол.

– Это верно, – согласился Петренко. – Но я так мыслю: чистильщиком быть не обидно. Знаешь, какая самая здоровая хищная птица?

– Американский кондор?

– Точно! Молодец! Не зря тебя в институте учили. Так вот прикинь: кондор – он самый крутой. А тоже стервятник! Чистильщик! Все, приехали, – и затормозил у Валериного подъезда. – Завтра в десять, чтоб как штык у подъезда. «Макара» своего возьми.

– А что будет? – заинтересовался Васильев.

– За город махнем. Стрелять учиться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ В КОМАНДЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Третий час сидели в машине. В Пашином «подгнившем» «опеле». Петренко, Монплезир, сам Паша и Васильев. Стекла лепило снежком, и Петренко, расположившийся на водительском месте, время от времени включал снегоочистители.

Из подъезда напротив вышел здоровенный парень в меховой куртке, огляделся, снял перчатку, поковырял в носу.

– Этот? – спросил Монплезир.

– Нет, – ответил Петренко. – Но уже близко.

С Измайловского вырулил «мерседес». Тормознул перед подъездом. Парень в куртке вытащил рацию, что-то сказал.

– Контакт, – произнес Петренко и потянул вниз шерстяную шапочку, тут же превратившуюся в маску с прорезями для глаз и дыхания. Ту же операцию проделали Монплезир и Васильев – с секундной задержкой, поскольку у него этот жест еще не был отработан. Лицу сразу стало жарко. Монплезир и Петренко совершенно одинаковыми движениями передернули затворы оснащенных глушителями автоматов. Паша достал телескопическую дубинку, протянул Валерию. Тот запихнул ее в карман. Во второй, предварительно передернув затвор, сунул «макарку».

– Пошли! – скомандовал Петренко, открыл дверцу, вывалился наружу и, пригibasя, устремился к «мерседесу». Монплезир протиснулся на водительское сиденье и выскочил через ту же дверь, а Паша, напротив, нисколько не скрываясь, выбрался через правую дверцу и взялся протирать стекла.

Васильев, как и было уговорено, досчитал до десяти, тоже вышел и неторопливо двинулся через улицу, вроде бы направляясь к магазину «24 часа». Лицо, прикрытое маской, он прятал за воротником, как будто прикрываясь от ветра. Он видел притаившихся у «мерседеса» – один за капотом, второй за багажником – Петренко с Монплезиром. Видел и водителя «мерса», сидящего за рулем.

Васильев, сутулясь, приблизился к дверям магазинчика, но не вошел, а повернулся к парню в куртке:

– Эй, ты!

Парень, до этого лишь равнодушно скользнувший взглядом по согбенной фигуре Валерия, резко повернулся, увидел маску...

Петренко прыгнул на него сзади. Глухой удар – и парень рухнул в снег. В этот же миг Монплезир рванул на себя дверцу, ухватил водителя, выдернул его из машины, врезал разок, уронил на дорогу, сам забрался внутрь. На противоположной стороне улицы Паша медленно тронул «опель» и не спеша покатился в сторону Московского проспекта.

Петренко махнул рукой Васильеву, и они нырнули в подъезд.

– Лифт держи, – негромко скомандовал Петренко и устремился по лестнице – сверху уже кто-то спускался. Пешком. С грохотом двинулся лифт. Через пять секунд Петренко снова оказался на площадке, гоня перед собой неплохой экземпляр бодигарда. С задранными лапками.

– К стене, – прошипел Петренко, разворачивая пленного. И Васильеву: – Пригляди.

Прибыл лифт. Остановился, лязгнув. Двери разъехались. Внутри – двое мужчин. Один – в замшевом дорогом пальто при белоснежном шарфе, второй – в прикиде попроще.

- Приехали! – рявкнул Петренко. – С вещами на выход.
- Не понял!.. – с угрозой процедил тот, что в пальто.
- Это потому что ты тупой, – пояснил Петренко. – Считаю до одного...
- Считать не пришлось. Оба выскочили как ошпаренные.
- Гера! Делай что-нибудь! – свистящим шепотом произнес зашарфованный.
- А хули тут сделаешь? – резонно ответил второй.
- Точно! – поддержал Петренко.

Перебросил автомат в левую руку, а правой засветил бодигарду в висок. Завалил, конечно. Васильев, сориентировавшись, тут же съездил второму дубинкой по затылку. С аналогичным результатом.

Ручища Петренко устремились к обладателю пальто. Тот зажмурился от страха, но Петренко бить его не стал. Сгреб, намотал шарф на руку и поволок наружу. Парочка, уложенная на снежок несколько минут назад, уже начала подавать слабые признаки жизнедеятельности.

Васильев распахнул заднюю дверь «мерса». Петренко, с клиентом под мышкой, нырнул внутрь. Монплезир тронулся, как только Валерий упал на сиденье с другой стороны.

Машина выехала на Измайловский, затем свернула направо и покатила вдоль Обводного.

- Куда вы меня везете? – дрожащим голосом осведомился обладатель пальто.
- Купаться! – рявкнул Петренко.
- Сколько вы хотите? Десять тысяч? Двадцать?
- Дешево себя ценишь, – процедил Петренко. – А теперь закрой пасть, пока зубы не проглотил.

Пленник заткнулся.

«Мерседес» петлял по набережным, пробираясь к заливу.

Через полчаса Монплезир остановился. Прибыли.

Петренко выволок пленника наружу. Набережная. Забранные в камень берега. Мутный свет фонаря. Ступенчатый спуск вниз, а внизу – черный квадрат полыни.

Пленник, почуяв совсем нехорошее, пискнул. Петренко слегка придушил его шарфом, сволок вниз, швырнул на лед у края полыни. Пленник с ужасом поглядел на воду.

– Вы что, просто так бросите меня туда? – севшим от ужаса голосом пробормотал он, поднимаясь на коленки.

– Просто так не бросим, – со смешком ответил Петренко. – Мы ж не звери.

Вынул из куртки пистолет, навертел глушитель и выстрелил пленнику в затылок. Тот без звука повалился на лед. Петренко пинком спихнул труп в полыню. Туда же кинул пистолет.

Они вернулись в машину. Васильев был слегка ошарашен.

Петренко достал телефон, набрал номер.

– Отработали, – доложил он. – Чисто.

– Молодцы, – проскрипело в трубке.

Петренко похлопал Валерия по спине.

– Расслабься, братишка. По нему уже лет пять черти плачут.

– А почему?

– Бизнес у него такой. Малолеток в Турцию продавал. Оптовыми партиями.

– И что? – глупо спросил Васильев.

– А то, что сам видел. Не переживай. Я ж сказал, что мы стервятники. Чистильщики, стало быть. Работа у нас такая – падаля убирать.

На следующий день перед тренировкой Силыч вручил Валерию узкий конвертик.

– Здесь тысяча двести, – деловито произнес он. – Твоя доля – полторы. Двадцать процентов – страховка. – И другим тоном: – Завтра утром мячик погонять не хочешь?

– А где?

– На Приморской. Из дома поедешь? Петренко тебя подхватит, я его предупрежу.

Тренировка оказалась на удивление легкой. Егорыч посвятил ее дыханию. Сначала просто дышали на все лады, потом кричали, потом учились ловить дыхание противника. Под конец сэнсэй показал технику экономного дыхания, суть которой сводилась к тому, что специально дышать вовсе не надо, чтобы не тратить силы попусту, а следует правильно двигаться. А уж легкие будут сами расширяться и сокращаться в зависимости от движений тела. С последним пунктом у Васильева возникли трудности, но он решил, что попрактикуется дома. Идею он понял.

После тренировки Юра подкинул Васильеву предложение:

– В крутой ночной клуб не хочешь сходить?

– Да можно, – отозвался Валерий, который в крутых ночных клубах сроду не бывал.

– Третьим возьмете? – подключился Монплефир. – Я угощаю.

– Тебя не возьмешь, как же! – фыркнул Юра. – Только угощаю я. И выбираю тоже я.

– И что ты выбрал? – поинтересовался Монплефир.

– Около моего дома есть одна конюшня. «Черный байкер» называется.

– В кайф, – одобрил Монплефир. – Едем.

Несмотря на название и оформление, ни байков снаружи, ни байкеров внутри в заведении не водилось. Вместо мотоциклов перед клубом парковались блискучие иномарки, а вместо лихих всадников дорог за столами вольготно расположились наездники офисных кресел. Не удивительно. Среднему русскому мотоциклисту в таком клубе по карману разве что чаю с сахаром выпить. Не говоря уже о плате за вход, приправленной надбавкой по поводу эротического шоу.

Размялись «разинским» пивком с креветками. Добавили голландским с мелкой круто просоленной рыбкой. Водку решили не брать, оздоровиться.

– Пиво, оно для почек полезно, промывает, – заявил Монплефир. И пошел отлить.

– Когда шоу-то будет? – поинтересовался Валерий.

– Рано, брат, – ответил Юра. – Еще и одиннадцати нет. Да и народу не густо.

На взгляд Валерия, народу уже набралось достаточно. Человек тридцать. Большинство – мужики.

Вернулся Монплефир, свистом, перекрывая музыку, подозвал официанта. Компания за ближним столиком уставилась на Монплефира неодобрительно. Тот осклабился. Улыбка Монплефира чем-то напоминала ухмылку Кинг-Конга. Компанию из трех упитанных дядек с гладкими загривками улыбка Монплефира удовлетворила вполне.

– Что будем заказывать? – проворковал официант.

– Еще по паре пива, – скомандовал Монплефир. – Горячее сам выбери. Но чтоб мясное и ядреное.

– Рекомендую ростбиф «Король скорости», – с приторной улыбочкой изрек официант.

– Неси, – великодушно кивнул Монплефир. – Возражений нет? – спросил он у приятелей.

– Нет, – ответил Юра. – Мы тут интересуемся: когда девочки раздеваться будут.

– Через полчаса, – сладко отозвался официант.

– Пидор, – буркнул Монплефир, когда тот убежал.

– Да не, это порода такая, – возразил Юра.

В ходе короткой дискуссии выяснилось, что оба предпочитают официанток женского пола. Валерий в разговоре не участвовал. Пытался определить, каковы ощущения от осознания себя – в дорогом ночном клубе. Особых ощущений не было. Но пиво хорошее.

«Король скорости» тоже оказался ничего. Сочный.

И эротическое шоу порадовало взгляд Валерия. Вместо вульгарного раздевания с подергиваниями и потряхиваниями три девушки явили зрителям очень неплохую пластику в духе современного балета. У всех троих чувствовалась недурная хореографическая школа.

А вот Монплеизр шоу не одобрил. И девушек тоже. Жилисты и несисясты. Юра тоном знатока заметил, что тощие, они как раз и есть самые страстные. Монплеизр не согласился. И заказал еще пива. На сей раз немецкого, с ощутимым привкусом дрожжей.

Народу прибавилось. Воздух загустел от сигаретного дыма – поспешили основатели клуба на хорошую вентиляцию. От духоты, шума, а, главное, от хорошего, не разбавленного пива Валерий слегка поплыл.

В полутемном зале появились новые фигуры. Вернее, фигурки. Одну из них Монплеизр поймал за локоток, усадил рядом, принялся поить пивом из собственной кружки и попутно ощупывать. Девчушка хихикала, хлопала Монплеизра по рукам, на что он, впрочем, не обращал внимания.

Эротическое шоу закончилось. Танцовщицы, оставшиеся исключительно в узеньких трусиках, присутствие которых скорее подчеркивало, чем прикрывало, прошлись между столиками. Оказалось, что полупрозрачные трусики – вещь функциональная. Именно в них засовывали деньги благодарные зрители. Компания за соседним столиком поинтересовалась насчет интима, но получила вежливый отказ.

На авансцене появился новый персонаж. Разбитная «девушка» лет тридцати, представленная ди-джемем полуночной радиопрограммы. Народ оживился, видно, диджейка была персонажем известным и развеселым. Минуток эдак пятнадцать ди-джейка хохмила и прикалывалась насчет незначительности российских мужских достоинств сравнительно с оными, представленными на интернетовских картинках. Публика реагировала разнообразно. Некоторые – даже злобно, но большинство веселилось, не без основания полагая, что если у какого-нибудь негра инструмент и подлинней раза в два, то толщиной кошелька разницу можно подсократить.

Вылез клубовский массовик-затейник, объявил: администрация «Черного байкера» в лучших байкеровских традициях объявляет конкурс: у кого баловник окажется длинней прочих, тому неувядаемая слава, двести долларов награды и общеукрепляющий массаж лично от бойкой диджейки, взявшей на себя обязанности главного арбитра. А чтоб доверие к судейству было полным, в арбитры приглашаются еще две дамы из числа публики.

Две дамы нашлись тут же. Приволокли ширму и объявили, что состязания начинаются. За ширму потянулись мужики, иные – ну очень уважаемые.

– Не хочешь поучаствовать? – в шутку предложил Валерий Юре.

– Я – нет. Но я знаю, кто хочет! – Потянувшись через стол, Юра хлопнул Монплеизра по плечу. Тот оторвался от изучения анатомии подвыпившей девчушки, поглядел вопросительно. Как выяснилось, объявленная олимпиада прошла мимо внимания Монплеизра. Однако после того, как Юра ознакомил его с темой, Монплеизр необычайно оживился, спихнул девчушку с колен, вылез из-за стола и решительно направился к ширме.

– Он что, серьезно? – удивился Валерий.

– Еще как! – Юра подмигнул. – За деньгами пошел.

– То есть?

– Как ты думаешь, – Юра хитро прищурился, – отчего нашего друга Монплеизром зовут?

– Понятия не имею, – искренне ответил Васильев.

Во французском он был не силен.

– Эх ты! – воскликнул Юра. – Чему тебя в институте учили? Что есть монплеизр?

Валерий напряг эрудицию.

– Вроде павильон такой есть... В Петергофе. Или в Павловске?

– Мон плеизр, Валерик, чтоб ты знал, на французском языке означает – мое наслаждение.

А что есть наслаждение для француженки, это уж ты сам догадайся!

– А-а-а, – протянул Васильев. До него дошло.

– Так что, братишка, будь спокоен! Приз у нас в кармане! – заверил Юра.

Как в воду глядел. Не прошло и десяти минут, как очаровательное жюри единогласно провозгласило Монплезира победителем. Публику пригласили поприветствовать чемпиона овацией. Публика жиденько похлопала. Затем победителю торжественно вручили премию, которую тот небрежно запихнул в карман. И вознамерился вернуться за столик. Но тут на мускулистой руке чемпиона повисла разбитная ди-джейка. Клубный конференсье громогласно напомнил в микрофон, что главный приз – не какие-нибудь двести долларов, а сильно оздоравливающий массаж, выполненный лично звездой отечественного радио.

Монплефир скептически оглядел диджейку и не менее громогласно (хотя и без всякого микрофона) сообщил, что с дочкой звезды он оздоровился бы с удовольствием, а с ней самой – извините!

После чего стряхнул диджейку с локтя и направился к своему столику.

Вот теперь ему хлопали от души. Диджейка обиделась, но ее тут же утешили посетители, предложившие шампанского, а Монплефир, воссев на законное место, позабыл о прежней договоренности и заказал водки. Ни Юра, ни Васильев не стали напоминать о недавних планах побереечь организмы. Надо же обмыть славную победу.

Победу обмыли славно. Настолько славно, что конец праздника начисто выпал из памяти Валерия. Проснувшись утром в гостиничном номере, он долго и трудно соображал, как здесь очутился. Так и не вспомнил. Что характерно, не помнил и Юра, проснувшийся там же, но получасом раньше.

Не помнил и Монплефир, которого разбудили еще через полчаса, поднеся к носу распечатанную банку пива, которого в номере оказалось целых две упаковки.

Номер, как выяснилось, был уже оплачен, а из окна гостиницы можно было углядеть рекламу «Черного байкера». Выяснилось также, что и денег у всех троих поубавилось. Лично у Васильева из двенадцати зеленых бумажек осталось только восемь, а у Юры – и того меньше.

– На лялек стратили, – уверенно заявил он.

– Откуда знаешь? – засомневался Валерий.

– Что ж по-твоему, я сам себе хрен губной помадой раскрасил? – проворчал Юрий.

Аргумент звучал убедительно. Не менее убедительно выглядели раскиданные по ковру презервативы.

«Жалко, – подумал Васильев. – Ничего не помню. А, должно быть, весело было!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Коробочка, перевязанная шелковой ленточкой, была еще ночью ловко переброшена через коронованный колючкой забор прямо к мраморному крылечку. Так сказал Петренко, который, собственно, ее и подбросил, а теперь вот уже третий час маялся в снежном окопе. Впрочем, экипировка у него была подходящая: унты, тулуп, меховая шапка-шлем. Все белое. Так что гляделся Петренко гибридом между полярным летчиком и белым медведем. Но на медведя походил больше. Остальные: Монплезир, Юра, Гоша-Терминатор и Васильев – присоединились к нему попозже. Точнее, в Петренковой яме сидели, кроме хозяина, только Монплезир и Валерий, а Терминатор с Юрой вырыли себе лежбище с противоположной стороны особняка.

– Как они там? – поинтересовался Монплезир.

– Лучше, чем я тут, – буркнул Петренко.

– Ты радуйся, что оттепель, – ухмыльнулся Монплезир, – а то вдарило бы минус двадцать – и криздец тебе. Вы, хохлы, народ мерзлякуватый.

– Ну, – согласился Петренко, вытащил из необъятного кармана плоскую бутылочку, приложился, протянул Васильеву. – Этому не давай, – предупредил, кивнув на Монплезира. – Джигита пусть кровь греет. Тебя Силыч проинструктировал, Валерик?

– В общих чертах.

– Главное, клиента не завали, – отметил Монплезир.

– Постараюсь, – пообещал Валерий. – Я...

– Ша! – Петренко поднял руку.

Двери особняка распахнулись, на снежок вышел мордастый мужик в кожаной куртке. Бок куртки многозначительно топырился.

Монплезир вытянул из чехла винтовку, пристроил ее на сошках, глянул в прицел.

Мордастый в это время орлиным взглядом обозрел окрестности, затем соизволил посмотреть под ноги. Коробку, перевязанную яркой синей ленточкой, не заметить было трудно. Мордастый повел себя осторожно: попятился. Затем еще раз огляделся, набрался храбрости и пихнул коробку ботинком.

Коробка не взорвалась, но мордастый все же решил отправиться за подмогой. Через пару минут он появился снова. Уже не один, а с «братом-близнецом», таким же мордастым и коренастым. «Близнец» принес металлоискатель.

Обследовав коробочку с помощью хитрого прибора и не обнаружив внутри металлических деталей, мордастые «братья» приободрились. Присели на корточки около «подарка», посоветовались немного, после чего один извлек внушительный тесак и перерезал ленточку.

Петренко и Монплезир беззвучно веселились.

Один из «близнецов» пристроил коробку на колене и распечатал. Стриженные головы склонились над содержимым и... Первый из «братьев» отшвырнул коробку в сугроб и разразился фонтаном матерщины. Утро было тихое, поэтому слышно его было километров за десять.

– Пришел хохол, насрал на стол, пришел цап – зубами цап, – откомментировал ситуацию Петренко.

– Ты мне тут национализма не разводи, – проворчал Монплезир. – Тут тебе, блин, не Полтава.

Но видно было, он тоже получает удовольствие от спектакля.

На злобную ругань мордастого из особняка вывалило еще человек пять. Столпились вокруг злополучной коробки. Шумно обсуждали подарок. Выглядели очень недовольными. Наконец появились еще двое: чернявый крепыш с приплюснутым носом и лысый мужчина со значительным лицом. Им доложили обстановку. Чернявый счел себя оскорбленным, чего и не

стал скрывать. Лысый от реплик воздержался. И встал чуть поодаль от остальных. Это был клиент.

Валерий увидел, как из-за дома появились две белые тени и залегли в пушистом снегу: Юра и Терминатор под шумок перемахнули через ограждение. Ради этого и затевался отвлекающий маневр.

Монплеизир прильнул в винтовке.

– На счет «три»! – скомандовал Петренко, сбрасывая тулуп и шапку и перещелкивая «калаш» на автоматический огонь. – Раз... Два... Три!

Васильев выпрыгнул из ямы, приотстав от Петренки на долю секунды, и, зачем-то пригибаясь, понесся вдоль сетчатого забора.

– Всем лечь на землю! – заревел с высоченной сосны усиленный электроникой голос Силыча.

Лег только лысый, клиент. Остальные схватились за оружие. Чернявый крепыш, обхватив пистолет двумя руками, мигом расстрелял обойму в сосну, на которую ночью закрепили громкоговоритель. Возможно, даже попал. В громкоговоритель. Припав на колено, крепыш выщелкнул из пистолета обойму, заправил новую, и тут звонко взлаял из-за угла автомат, крепыш завертелся на месте и повалился в снег. Петренко влупил очередь в электронный замок на воротах, пинком распахнул створку и со страшным ревом бросился в атаку. Позади Васильева дважды прогремела винтовка. Зазвенело разбитое стекло.

Петренко несся зигзагами по нетронутому снегу. Васильев отставал от него шагов на десять, хотя тоже рвал изо всех сил. Охранники (их осталось только четверо – остальных срезади залегшие с фланга Юра и Терминатор) наконец сориентировались и развернулись в сторону Петренко и Васильева. Все – с пистолетами в руках. Но прежде, чем они открыли пальбу, ревуший, как ледокол в тумане, Петренко уже оказался между ними, вцепил в одного очередь – в упор, еще одного свалил ударом приклада, взбежал на крыльцо и скрылся в доме.

Васильев с разбега налетел на одного из «братьев-близнецов» – тот с открытым ртом глядел вслед Петренке, – и въехал ему стволом автомата по зубам. «Близнец» взвизгнул, на куртку хлынула кровь. За спиной Васильева оглушительно хлопнуло, по шее «близнеца» будто ударило чем-то острым – красная струя фонтанчиком брызнула на снег. Валерий развернулся, увидел второго – с направленным на Васильева пистолетом, из ствола которого выползала бледная струйка дыма. Морда у стрелка была ошалевшая.

– Я ж не хотел! – закричал он. – Я не...

Васильев надавил на спусковой крючок, автомат забился в руках, «быка» с пистолетом отбросило шага на три. Васильев крутнулся на месте. Его первый противник ворочался в снегу, пуская кровавые пузыри. В особнячке грохнуло, вниз посыпались стекла.

– Сейф, – удовлетворенно констатировал Терминатор, каким-то образом оказавшийся рядом.

По дорожке шагал Монплеизир: в одной руке винтовка, в другой – чехол и Петренковы зипун с шапкой.

Из особнячка выскочили Юра и Петренко. Юра тащил длинную черную сумку.

– Уходим! – рявкнул Петренко, подхватил пистолет чернявого крепыша и вцепил бывшему владельцу пулю в затылок. Затем проделал то же с тремя валявшимися на земле охранниками. На взгляд Васильева, этого можно было и не делать: какой смысл добивать покойников. Однако смысл был. Петренко подошел к лысому, неподвижно лежащему лицом вниз, тщательно прицелился и прострелил ему правую руку. Тот даже не дернулся. Петренко прицелился еще тщательнее и выстрелил клиенту в голову. Красная от морозца лысина тут же заалела кровью.

Васильев даже удивиться не успел: Гоша пихнул его в спину.

– Уходим, твою мать! Бегом!

И Васильев, перехватив автомат поудобнее, припустил за остальными. Бежать долго не пришлось. Навстречу выкатился микроавтобус. Старенький «мерседес». За рулем сидел Силыч.

Команда погрузилась, и микроавтобус, развернувшись, покатил в сторону Всеволожского шоссе.

– Раненых нет? – спросил Силыч.

– Нет, – ответил за всех Петренко.

Монплезир извлек флакон со спиртом, зеркало, упаковку ваты и принялся смывать с физиономии черные полосы. Остальные последовали его примеру.

– Петренко, ты зачем клиента пристрелил? – вполголоса спросил Васильев.

– Разве ж это «пристрелил»? – удивился Петренко. – Так, чуток покарябал. Для конспирации. Но ты не печалься, Валерик, при таком аппетите, как у него, долго не живут. Не мы, так дружки его постараются. Давай сюда машинку.

Собрав все оружие, он загрузил его в тайник, оборудованный под полом микроавтобуса.

– Это шоб ГАИ не обидеть ненароком, – пояснил он. – Ты давай умывайся, скоро пост.

– А потом куда? – спросил Валерий.

– В баньку пойдем. После работы банька – в самый раз. Как профилактика гриппа.

Никакое ГАИ ими не заинтересовалось – в город въехали беспрепятственно. И сразу, как и говорил Петренко, – в частную баньку. Баньку арендовал Силыч. На полном обеспечении, с бассейном и буфетом. Правда, без лялек.

А на Васильева накатило. Как только выдохся в крови боевой адреналин, завозились в голове разные нехорошие мысли и воспоминания. Кровь и грохот. И смерть. Вспомнился чернявый, лупящий с колена вверх, ошарашенный «бык» с пистолетом: «Я не хотел!..»

«Я убил человека», – мысленно произнес он.

Не то чтобы в груди что-то ворохнулось, но как будто бы потерял что-то такое... Важное.

– Валерик, чего смурной такой? – На скамейку плюхнулся распаренный красномясый Петренко.

– Да так, – пробормотал Васильев. – Раньше, понимаешь, не стрелял ни в кого...

– Ах вот оно что... – Петренко подхватил из ящика пару бутылок пива, свернул зубом пробки, сунул одну бутылку Валерию. – Ты, брат, не печалиться должен, а радоваться. Не дитя невинное, гадину пришил.

– Откуда ты знаешь, что гадину? Может, нормальный мужик, вроде нас?

– Это мы – нормальные? – Петренко захохотал. – Ну ты сказал! Слышь, Силыч, чё Валерка гутарит?

– Что? – Силыч опустился на скамью с другой стороны от Васильева, тоже взял бутылку, пробку снял аккуратно, открывашкой. Чем-то он напоминал Валерию его научного руководителя аспирантских времен. Правда, только в профиль.

– Говорит – мы нормальные! – И опять заухал басом, как филин-переросток.

– Он прав, – кивнул Силыч. – Мы – нормальное явление ненормального времени. А с чего это вы о норме заговорили?

Петренко объяснил.

– Понятно, – узкое лицо Силыча стало строгим. – Надо бы тебе с Егорычем потолковать. О пути воина.

– А я просто скажу, – заявил Петренко. – Если мужик со стволом ходит, должен быть готов его в ход пустить. А если ты сам готов кого хлопнуть, значит, кто-то и тебя мочкануть может. Кто не успел, тот опоздал, а кто успел, тот не виноват.

– В чем-то он прав, – подтвердил Силыч. – В чем-то. Но мы, Валерий, не душегубы. Мы – русские люди, а значит, – православные, христиане. И убивать корысти ради или ради удали нам не пристало.

– Ну, начались разговоры... – недовольно протянул Петренко.

– Помолчи! – строго произнес Силыч. – Давай, Валерий, разберемся, что почем. И ради чего мы сегодня не одну душу на суд Божий отправили.

Тут Петренко хмыкнул, встал и, скинув простыню, плюхнулся в бассейн. На пол хлынула вода.

– Вот бегемот, – усмехнулся Силыч. – Ну ладно. Так ради чего? Деньги нам заплатили. И удаль мы тоже показали, иным... – он кивнул на плещущегося Петренко, – без этого и жизнь не жизнь. Но только ли ради этого? Нет, я не жду, что ты ответишь. Ты в этом мире себя еще не нашел, скорее, потерял. Но понял, что потерял, а это уже шаг вперед. Так?

– Да, – согласился Валерий. – Потому и к вам пришел, что понял. Наверно, мне повезло.

– Ты по году – кто?

– Собака, – ответил Васильев.

– Ага. Пес. А псу нужна стая. И поначалу-то все равно, куда стая бежит, куда вожак ведет, лишь бы плечо надежное чувствовать. И силу. Но проходит время, Валерий, и просто бежать в стае уже мало. Хочется знать, куда и за чем бег и на кого охота. Так?

– Хотелось бы, – ответил Валерий.

– Узнаешь, – кивнул Силыч. – Не сразу. Со временем. А пока поверь вожаку: никогда и никого я не заставлю пролить невинную кровь. И меня никто не заставит. Вот сегодня одна мразь решила чужими руками прихлопнуть другую. Такую же гадину. Мразь нашла меня. То есть не меня, конечно, а посредника. Одного из длинной цепочки, которая начинается мразью, а кончается нами. За убийство одной мрази другая мразь готова заплатить пятьдесят тысяч долларов. И половину уже заплатила, кстати. Я, Валерий, скажу честно: убил бы бесплатно. Обоих. И прихлебателей их тоже убил бы. Бесплатно. Но если я так сделаю, если сумею... То скорее всего, убьют и меня. Очень скоро. Потому что это против правил. Поэтому я убиваю одну мразь, а у второй беру деньги. А потом появится еще третья мразь и закажет мне вторую. И произойдет это очень скоро, потому что в сумке, которую мы унесли, – наркотиков на несколько миллионов долларов. А это такие деньги, за которые обязательно кто-то должен ответить. А хозяин этой дури – не мой заказчик, а та самая третья мразь. Но мой заказчик деньги за эту сумку просто так ни за что не отдаст, можешь не сомневаться. Может, у него и нет таких денег.

– Но ведь он догадается, кто взял? – предположил Васильев.

– Если и догадается, то болтать об этом не будет. Не в его интересах. Может, он и попробует выйти на нас, но это долго. И хлопотно. А хлопот у него и своих будет по горлышко. Вот если бы я решил выбросить эту наркоту на рынок, вычислить меня было бы проще. Но я этого не сделаю.

– Почему?

– По кочану! – сердито сказал Силыч. – Потому что на рынок эта дурь никогда не попадет. Потому что она уже в канализации плавает.

– Не жалко? – спросил Васильев. – Все-таки миллионы...

– Да хоть миллиарды! Ты, Валерий, пока что щенок. Способный, но не натасканный. Но сегодня ты убил своего первого врага. И это хорошо. А если бы ты припер из Азии мешок маковой соломки, ты бы никого не убил. Сразу. Но погубил бы больше людей, чем перестрелял Петренко. А он, поверь мне, разменял уже не один десяток. Понимаешь?

– Да не очень. По-моему, если кто-то на иглу сел, это его дело. Хочет травиться, пусть травится.

– Так, – произнес Силыч. – Недопонимаешь. Ладно. Расскажу историю. Свою историю.

К ним подошел Юра, хотел присесть рядом, но сообразил, что разговор серьезный, и присаживаться не стал.

– Была у меня дочь, – произнес Силыч. – А у дочери был друг, учились они вместе. Толковый парень, я его одобрял. И вот однажды парень этот домой возвращался. И не дошел. Уда-

рили его сзади железкой по голове. Куртку сняли, кошелек забрали и ушли. А парень умер. А дочка моя, как узнала, из окна прыгнула. А у нас седьмой этаж. Так что насмерть. Вот такая история, Валерий.

– Беда... – пробормотал Васильев. – Сочувствую.

– Ладно, проехали. Пять лет назад это было. Припорошило пеплом.

Помолчали.

– Этих нашли? – спросил через некоторое время Васильев.

– Нашли. Два торчка. На дозу им не хватало, поправиться. – И продолжил после паузы. – Вот поэтому, Валера, я и делаю то, что делаю. И вы вместе со мной. И все, кто со мной, слово дают: ни грамма дряни из их рук на рынок не попадет. И ты такое слово дашь. Дашь?

– Дам, – не раздумывая, ответил Васильев. – Обещаю.

– Спасибо. Ладно, пойду погреюсь, – Силыч встал, взял пару веников и пошел в парилку.

Валерий распечатал еще одну бутылку пива, глотнул, прислушался к себе и понял: нала-
дилось. В душе опять были порядок и определенность.

«Вот так, кондор, – с усмешкой сказал он сам себе. – Еще летаем».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новый год подступил незаметно. Однажды вечером пришел Валера в зал и увидел елку. И сообразил: а ведь уже тридцатое декабря. Елку привез Гоша, елку и ящик игрушек, который молодняк уже развесил по колючим веткам. Наверху вместо звезды красовался стеклянный каратэк с лицом, подозрительно похожим на Егорычево.

Работать Валеру сэнсэй поставил к Паше, Шизе и Монплезиру. Четвертым. Отрабатывали парную технику. Двое на двое. Сначала Валера бился в паре с Монплезиром. Монплезир, впрочем, Васильеву развернуться особо не давал. Рубил так, что легонького Шизу просто уносило. Паша со своей мягкой техникой держался лучше, но сила солому ломит. Академику даже подобраться к Монплезиру на подходящую дистанцию не удавалось, поскольку руки-ноги у того были на добрую пядь длиннее. В общем, главной задачей Валерия было – не подворачиваться под руку. И не позволять хитрому Паше пользоваться собой, как щитом. Через некоторое время поменялись. Шиза стал в пару с Монплезиром, а Паша – с Васильевым. Теперь почти что не при деле оказался Шиза. Монплезир сыпал страшными ударами, которые было почти невозможно принять на жесткий блок, зато и уйти от них было не так уж трудно. Но именно уйти. Монплезир, опытный боец, не позволял пройти внутрь собственной защиты. Валерий попробовал, схлопотал сильнейший йоко в бедро, оказался на полу и получил еще и от Шизы, не упустившего возможность «добить» упавшего.

– Вот что, мужики, давайте-ка на меня втроем, – предложил Монплезир.

Остальные переглянулись и дружно кивнули. Паша и Шиза атаковали с двух сторон. Монплезир встретил обоих вразрез, но они вовремя отскочили. Монплезир атаковал челноком. Сначала одного, потом второго. Не достал. Передвигались Шиза и Академик чуток попроворней. Валерий поначалу решил, что опять остался не у дел... и вдруг заметил, что его партнеры не просто вертятся вокруг Монплезира, а разворачивают его спиной к Васильеву. Причем, не просто разворачивают, а еще и вяжут на встречных движениях. Упустить такую подставу было стыдно. С другой стороны, могучая спина Монплезира казалась абсолютно неуязвимой, а голова – слишком высоко для достаточно мощного удара. Все это промелькнуло в сознании Валерия за какую-нибудь долю секунды. Затем он оттолкнулся от пола. Прыжок – и его правая нога воткнулась под колено Монплезиру. Сверху вниз. Колонноподобная нога подогнулась, Монплезир потерял равновесие и упал на колено. Паша и Шиза ринулись на него с двух сторон. Пашу встретил выброшенный навстречу кулак, угодивший Академику в печень. Шиза изловчился, достал Монплезира рубящим по шее, но тот удар проигнорировал, схватил Шизу за лодыжку, рванул – и Шиза грохнулся на спину.

– То-ой!

Васильев из низкой стойки пробил гияку-цки в мускулистый затылок Монплезира.

И свалил его. Все еще согнутый пополам Паша поднял большой палец, а Валерий все еще не верил своим глазам. Он завалил Монплезира!

Ненадолго. Уже через пару секунд здоровяк встал на четвереньки, потряс головой, поднялся на колено, потер затылок, оглянулся... Васильев стоял, крайне смущенный.

Монплезир захохотал. Он встал во весь рост, сгреб Валерия в охапку, стиснул так, что позвоночник отслоился от ребер.

– Ну дал! Ну молодец! – заревел Монплезир, встряхивая Васильева, как куклу. – Ну это класс!

Он отпустил Валерия, когда тот уже решил, что никогда не сможет вздохнуть. Отпустил, поставил на ноги, пощупал затылок, на котором вздулся приличный желвак.

– Крепко, ох крепко!

– Неплохо, – рядом с Васильевым стоял сэнсэй. Он улыбался. Не частое зрелище. – Совсем неплохо для семи месяцев занятий.

– Талант! – Шиза демонстративно вздохнул. – Талант, и все тут.

– Все, – отрезал сэнсэй. – Поговорили. Работать. И работать в парах. Монплезир, задача ясна? В парах!

– Да понял я, – недовольно пробормотал Монплезир. – Только мне одному сподручней.

– Это я видел, – ехидно произнес Кремень. – Минуту назад. Ладно. Шиза, Академик, Монплезир! Работаете тройкой.

Три вопрошающих взгляда.

– А мы с Валерой поработаем против вас в паре, – сэнсэй подмигнул Васильеву. – Джимэ!

Коротким блоком Валерий срезал кулак Шизы, коленом отвел удар ногой, боковым зрением уловил движение слева, но проигнорировал. Слева стоял сэнсэй. Шиза повторил атаку, но Валерий не успел ее отразить: перед ним мелькнула спина в выцветшем кимоно, Шиза завертелся волчком... И Валера увидел совершенно открытого, вполоборота, даже не глядящего на него Пашу. Не раздумывая, он вставил май-гери в незащищенный правый бок, и Пашу согнуло пополам. Бедная его печенька. Валера запоздало вспомнил, что Академик совсем недавно заполучил туда же от Монплезира... И уловил боковым молотоподобный кулак Монплезира, летящий прямо в него. Васильев дернулся, не успевая... Но тут буквально из-за его уха змеей выпрыгнула рука сэнсэя, перехватила, подпернула, и Монплезир корпусом влетел в цки Валерия. Пробил Васильев на автомате, но оч-чень качественно! Монплезир даже крикнул, несмотря на железобетонный пресс. Но это так, мимоходом, потому что Егорыч продолжал «вести» его вокруг себя. Описав круг, Монплезир, по пути, отшиб назад ринувшегося в бой Шизу и, почти полностью потерявший ориентировку, вновь оказался перед Васильевым, чем тот не замедлил воспользоваться и аккуратно сработал локтем в солнечное сплетение. Пробил.

– Стоп! – скомандовал сэнсэй. – Какие выводы от нашей парной работы?

– Один прикрывает, второй рубит, – тут же сказал Шиза.

– Верно.

– Так это вы, – пробурчал Паша, потирая бок. – Я бы, к примеру, все равно не успел.

– А зачем тебе успевать? – осведомился Егорыч. – Вас же трое. И ясно, кто у вас молотобоец. Вот его и прикрывайте. А он пусть бьет. А вы налетели, как грачи на червяков, захлопали крыльями. Ладно. Академик, поди сюда, что ты живот гладишь? Ну-ка... – Сэнсэй пощупал Пашин бок, Паша охнул.

– Нормально, – констатировал Кремень. – Все цело, поболит – пройдет. Посиди пока. Монплезир, Шиза – работать. Васильев, отойдем-ка.

– Ну, – спросил, – какие ощущения?

– Хорошие, – Валерий улыбнулся.

– Уверенность почувствовал?

– Так точно.

– Правильно. В чем проблема новичка?

– У новичка много проблем, – дипломатично ответил Васильев.

– Главная – в неуверенности. А неуверенность – от того, что силы нет. Противник подставился, а толку ноль. Ему твой удар – как комариный чих. Так?

– Так, – согласился Васильев, вспомнив, как он изо всех сил колотил того же Монплезира, а тот только ухмылялся.

– В общем, парень, у тебя действительно талант. И пашешь ты, себя не жалея, и закваска у тебя настоящая, и голова на месте. Молодец. А теперь иди поработай с Пашей. Хватит ему прохлаждаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Новый год Валерий встретил в лесу. Тридцать первого совершенно неожиданно позвонила Алинка, его давняя подружка, прошлой зимой уехавшая в Германию учиться. За счет какого-то немецкого музыкального фонда. Алинка приехала на каникулы. И предложила Васильеву составить ей пару в немецко-русской компании оттягивающейся молодежи. В программе значились возжигание огней, пляски вокруг елки, катание на санях и купание в шампанском. Валерию надлежало играть роль русского мачо, а еще лучше – бандита. Немецкие друзья желали вкусить местный колорит.

Валерий долго смеялся, но в итоге обещал не ударить пьяной мордой в снег. Алинка не знала о его новой жизни, но, должно быть, сработало в ней что-то интуитивное.

Через час Валерий был на вокзале.

Веселая компания состояла из двух горячих немецких парней, патлатого русского музыканта с ярко выраженными семитскими чертами, Алинки, ее очаровательной голубоглазой подружки, похожей на куклу Барби, и двух рослых рыжих немцев, одна из которых, как выяснилось, играла на саксофоне, а вторая – на флейте-пикколо. На взгляд Васильева, ей больше подошла бы труба. Немки очень стеснялись.

Из поезда вышли на каком-то полустанке под Лугой. Там уже ждал местный мужик на выдавшем виды автобусе. Погрузились и поехали.

Дом и вправду стоял в лесу. Аккурат на вершине холма. Перед домом красовалась живая ель, перевитая гирляндами. В доме оказались еще одна елка, два этажа, дюжина комнат, накрытый стол и деловитая тетка с лисьим личиком. Оба немца, взяв в толмачи волосатого музыканта, с чисто немецкой дотошностью принялись выяснять, все ли заказанное и оплаченное в наличии. Тетка отбrehивалась.

Водитель автобуса поймал Васильева за рукав и потащил демонстрировать хозяйство: сарай с санями, ящик с пиротехникой, тульского производства дробовичок, из коего господа иностранцы могли пострелять по зайцам или, если зайцев под рукой не окажется, то по пустым бутылкам, для каковой цели внизу был оборудован «полигон» с тремя пеньками. Кататься предлагалось с соседней горки (она покруче и лысая), и костер жечь тоже там. Дрова приготовлены. Когда Васильев и его инструктор вернулись к дому, там уже ждала взмыленная тетка, тут же напустившаяся на мужика: где шлялся? Десятый час, а ехать еще...

– Ну, с наступающим! – флегматично сказал мужик. – Давай звони, если что.

И, к немалому удивлению Васильева, сунул ему визитку, на которой значилось, что мужик не кто-нибудь там, а исполнительный директор фирмы «Отдых на природе». Исполнительный директор потопал вниз вместе с деловитой теткой, которая монотонно пилила его сварливым голосом. Через пару минут внизу заурчал автобус, и Валерий пошел в дом.

Немецких парней звали Фридрих и Йоганнес. Попросту Фриц и Ганс. Саксофонистка представилась Лоттой, а подруга ее – Гретой. Волосатого звали Борис, а «барби» – Лизой. Фриц и Ганс явно были к ней равнодушны. На взгляд Валерия, выбирать им было особо не из чего. Розовощекие веснушчатые Лотта и Грета выглядели во всех отношениях жизнеспособнее тонконогой и длинношей Лизы, но телосложением совсем не походили на фотомоделей. А Алина недвусмысленно продемонстрировала, что герой ее сердца – Валера.

– Вресьмя! – провозгласил Фриц, и Ганс немедля грохнул в стену пробкой от шампанского.

И дело пошло.

До Нового года оставалось еще полтора часа, и эти полтора часа вся компания усердно догонялась. Так что, когда волосатый Борис провозгласил, что по русской традиции следует, открыв окно, провожать Старый год стоя и до дна, уже не розовые, а ярко-красные Лотта и

Грета с трудом удерживали одновременно и бокалы, и равновесие. Их земляки стояли твердо, но русский язык забыли напрочь, да и немецким пользовались с трудом. Шампанское и водка образуют довольно мощный коктейль.

Васильев шампанское только пригублял, а пользовал исключительно водочку, не забывая закусывать. Той же традиции придерживался и волосатый Борис, который, несмотря на костлявость, дозу держал крепко.

Новый год встретили под звездами у переливающейся гирляндами елки. Выпили, поорали, покружили хоровод. Морозец был слабый: градусов пять. Сыпал крупный редкий снежок. Лепота. Отхороводив, притащили ящик с огненными забавами, пуляли в небо ракетами и пускали огненные фонтанчики. Когда пиротехника кончилась, решили кататься. Взяли санки, пошли на лысую гору. По дороге потеряли Грету. Васильев с Борисом пошли ее искать. Нашли немку в сугробе, в прекрасном настроении. Вытащили, подняли наверх. Наверху трудолюбивые немецкие парни уже разожгли костер. Костерище. В два человеческих роста. И вознамерились прыгать. Слыхали они, что русские этим в Рождество развлекаются. Удержали. Разъяснили, что через костры прыгают летом, на Ивана Купалу. Прыгают, купаются и язычески совокупаются в бузинных кустах. Немцы пришли в восторг. Заявили, что непременно приедут и совокупятся.

Пока дискутировали, потеряли Лотту. Нашли, привели, посадили на санки на пару с Борисом. Разогнали и столкнули под жизнерадостный визг. Фриц и Ганс тоже взгромоздились на сани, прихватили Лизу, поехали, перевернулись, долго и жизнерадостно гоготали.

Валерий на больших санях никогда не катался, но по санному делу в юности слыл виртуозом. Поэтому Алинку прокатил с ветерком и лихим разворотом. В общем, веселились все. Борис по очереди сплавлял вниз то Лотту, то Грету. На горку санки тащили немки.

– Им полезно, – заявил Борис Васильеву. – Верно, фройляйн?

Фройляйн шумно соглашались. Они были счастливы. Герры Фридрих и Йоганнес тоже были счастливы. Один таскал санки, второй – Лизу. Здоровые лоси. Тоже менялись грузом. Чтoб все по-честному. Васильев предположил, что и в постели они тоже честно поделятся. Ошибся, как потом выяснилось.

Накатавшись (кстати, и костер догорел), вернулись в дом. Морозец пробудил аппетит. Поели, выпили, сплясали русские пляски. Главным образом, Борис с Лизой. Немки тоже старались, кружились лебедушками. Потом как-то незаметно исчезли. Вместе с Борисом. И танцы стали более современными. Фриц и Ганс по очереди топтались с Лизой, Васильев и Алинка оторвали мумбу-юмбу под добрую старую «Аббу». Зрители хлопали. В процессе танца Алинка нащупала Васильевскую кобуру. Обрадовалась. Потребовала продемонстрировать немцам. Васильев продемонстрировал, предусмотрительно разрядив. Алинка гордилась: «Я же говорила, что бандит!»

Что бандит, немцам понравилось, а вот к «макарке» отнеслись презрительно. Оказалось, что дома у обоих тоже есть пистолеты, а у Ганса – даже помповое ружье. Ба-бах – и ваших нет. Баука, а не ружье.

Васильев охотно верил. Поскольку не далее как три дня назад пострелял из Монплези-рова «ремингтона». Все плечо отбил с непривычки.

Немцам же пояснил: «помповуха» и автомат, конечно, лучше «макарки», но носить неудобно. Слишком заметно. Немцы согласились: да, заметно. Вообще, между ними и Васильевым обнаружилось полное понимание. На уровне языка жестов.

Вернулись Грета и Лотта. Счастливые и порозовевшие. Немедленно стали кушать и пить. Борис появился чуть погодя. Подмигнул Васильеву. Уселся. Свернул косячок, попыхал, предложил Васильеву, но тот отказался. Оно конечно конопелька не героин, но штука бесполезная. Реакция портится, концентрация. Бойцу – сплошные проблемы. А вот немецко-подданные обоих полов «травке» явно обрадовались. И Лиза с Алинкой – тоже. Богема, ясное дело.

- Попробуй,– уговаривала Валерия Алинка.– Под «травкой» такой секс!
- Ничего, с такой девочкой, как ты, мне и так будет сладко! – заявил Васильев.

Алинка была польщена.

- Ты скучал без меня?
- Еще как! – соврал Валерий.

Борис набил еще один косячок, взял гитару... и выдал класс.

Действительно, класс. Гитаристом он оказался великолепнейшим. И голос ничего. Пел исключительно на английском. И исключительно регги.

Захватил всех. Васильев «поплыл», мир сгустился и перевернулся. Все вокруг обрело сродство. Черная головка Алины на плече, мерцающие огни, мерцающие звуки...

- Гениально,– прошептала Алина, когда Борис отложил гитару.– Пошли наверх, а?

И они пошли наверх, прихватив бутылку шампанского и охапку красных парниковых роз. Для экзотики.

Любили друг друга прямо на ковре. Жадно и долго. Алина, нагая, без пышных одежек и длинных каблучков оказавшаяся совсем маленькой, тоненькой и гибкой (Васильев за год успел ее забыть), отдавалась ему вся целиком и чувствовала его, как, наверное, свою скрипку. И Валерий чувствовал мельчайшее ее желание. Куда лучше, чем раньше. Потом, размышляя над этим, он пришел к выводу, что умение ощущать женщину чем-то сродни умению угадывать противника на татами. Только там – угадывать и опережать, а здесь – угадывать и отдаваться. Неважно, мужчина ты или женщина. Настоящий кайф – это когда отдаешь себя целиком. Вот тогда – подлинное наслаждение.

- Какие у тебя мускулы,– прошептала Алинка, припадая к его влажной груди.– И какой ты... весь. Раньше ты так не умел. Кто эта женщина? Я ее знаю?

- Какая женщина? – Васильеву было слишком хорошо, чтобы удивляться.

- Которая тебя научила.

- О! – Васильев усмехнулся, представив себе Егорыча в роли «женщины».– Это что-то особенное. Но ты – намного женственнее. Слово!

Алинка аж замурлыкала от удовольствия.

- Пойдем, попьем чего-нибудь. Не спиртного.

- Пойдем,– согласился Васильев.

Оба знали, что еще вернутся на этот ковер. Желание не ушло, только спряталось. На время.

Внизу обнаружили четверо спящих. Фриц с Гансом и Грета с Лоттой. Лотта с Гретой – в обнимку на диванчике, Фриц – на столе, а Ганс – под столом.

Борис с Лизой отсутствовали.

- Крепок мужик,– одобрил Васильев.

- Угу,– рассеянно проговорила Алинка, наливая себе соку.– Борька – гигант. Но ты лучше, не сомневайся.

От широты русской души Васильев решил позаботиться об иностранных гостях. Добыл одеяло, переложил обоих аккуратно, на бочок, стащил с арийских ног пудовые башмаки, подумал: цивилизация, бя. В уличной обуви по коврам шастать. Хорошо хоть снежок на дворе, а не осенняя грязь.

Алине пришлось в голову посетить ванную. Так сказать, заодно и помоемся. Обломилось. Ванная оказалась занята. Изнутри доносились смех и хлюпанье.

- Присоединимся? – игриво предложила Алинка.– Ребята не против, я их знаю.

- Нет,– решительно заявил Валерий.– Я тебя делить не собираюсь.

Групповушку не жаловал. Не возбуждала.

- Ну и ладненько,– не опечалилась его подружка.– Тогда пошли наверх. Там душ есть.

Кувыркались еще часа два. До полного изнеможения. Но спать совершенно не хотелось. Опустошенные, невесомые и какие-то прозрачные спустились вниз. Немцы дружно сопели в восемь дырочек: смотрели свои немецкие сны. В огромном кресле вдвоем устроились Борис с Лизой. Борис перебирал струны, Лиза – его волосы. Перед ними горела толстая красная свеча.

Валерий с Алинкой не стали им мешать. Пристроились к столу, заморили червячка, прополоскали горло сухоньким. Поправились.

Борис отложил гитару.

– Пошли погуляем? – предложил он. – Новый год все-таки.

Снегопад прекратился. На ветвях новогодней елки лежали белые рукава. Разноцветные огоньки отражались от игольчатого снега. Утопая по колено в снегу, взобрались на соседний холм. Брошенные санки занесло снегом – три маленькие горки на одной большой.

– Давайте снеговика сделаем! – сказала Лиза.

Сделали. Огромного и важного. Похожего на Чебурашку. Потом играли в снежки. Три на одного. Одним был Васильев. Он же оказался победителем, а когда «противник» перешел в рукопашную, Валера снова показал себя героем и вывалял в снегу всех троих. С Борисом, правда, пришлось повозиться. Волосатый гитарист оказался на диво ловок и цепок. Но легкий, что тут поделаешь. Вернувшись домой, смеха ради достали из сарая лопату и завалили снегом двери. И окна тоже залепили. Прикололись. В дом попали по лестнице, через второй этаж. Расползлись по спальням и тут же уснули.

Проснулись от зычного германского смеха на улице. Солнце уже вскарабкалось почти на максимальную высоту. Полдень.

– Выпалась? – спросил Валерий.

Алинка потянулась сладко и тут же протянула к нему все четыре игривые лапки...

...Она никогда не закрывала глаз. Даже когда с губ уже срывалось жаркое протяжное: «А-а-ах!» – черные глаза блестели из-под дрожащих век.

Немцы, бодрые и жизнерадостные, успевшие позавтракать, покатаются на санях и вдобавок вываляться в снегу, встретили заспавшихся аборигенов жизнерадостным гоготом. Прикол со снегом германцы оценили. А еще говорят, у них чувства юмора нет. А вот похмелья у них, точно, не наблюдалось. Здоровые европейские печенки без проблем перерабатывали алкоголь.

После завтрака Васильев порывлся в сарай и нашел целый ворох лыж. Там же на веревке висели ботинки. Как сушеная рыба. Подобрали на всех. Тщательно смазали – тепло, снег липкий.

Перед самым выходом появился вчерашний мужик, директор. Причем не на автобусике (дорогу занесло), а на настоящих розвальнях, влекомых мохнатой лошадежкой. На розвальнях приехала лосиная нога. За ногу директор желал двести марок.

– Побойся Бога, – сказал ему Валерий. – Вот тебе тридцать баксов и считай, что тебе повезло.

Директор спорить не стал, а на Валерия поглядел с уважением.

Ногу оставили отмерзать, а сами отправились к озеру, до коего, как сообщил директор, километров шесть.

Поначалу лыжню прокладывал Васильев. Как спортсмен-лыжник. Но вскоре выяснилось: немецкие друзья тоже не лыком шиты. Завзятые горнолыжники, а Ганс – еще и биатлонист. Васильев охотно уступил первенство. Самым слабым ходоком оказался половой гигант Борис. Техники никакой, а силенок за ночь несколько поубавилось. Но шесть километров – не тридцать. Дотрещал.

Озеро открылось внезапно. Дивной красоты место. Высокие, поросшие густым лесом берега, сверкающая, совершенно ровная нетронутая пуховина надледного снега. Даже съезжать жалко.

Немцы тут же устроили слалом. Васильев поначалу напрягался: кто его знает, какой нынче лед. Но потом вспомнил, что потеплело только новогодней ночью, а до того морозы стояли крепкие. И опасаться перестал. Присоединился к немцам.

Назад возвращались уже в сумерках. Голодные и уставшие. Перекусили наскоро и взялись за лосиную ногу. Решили зажарить, вернее, запечь на огне, в камине. Ганс с Фрицем заверили, что выйдет отличное кушанье. Вроде того, что у себя в Германии они именно в каминах дичь и запекают.

Должно быть, немецкие каминные в корне отличались от русских. Провоняв весь дом, кулинары получили малосъедобное блюдо, черное снаружи и сырое внутри. Заявления типа того, что настоящие нибелунги кушают исключительно кровавое мясо, прекрасной половиной общества были отвергнуты с презрением. Васильева послали за топором, которым несчастная нога была сначала очищена от окалины, а потом разделана на более удобоготовимые куски. Незадачливых поваров приспособили отбивать жесткую, как башмачная кожа, лосятину.

На этот раз вышло значительно лучше. Под красное вино приговорили почти половину ноги. Затем из того же вина волосатый Борис в огромной кастрюле сварил нечто пряное и приторно-сладкое, обозванное им – глинтвейн. Немцы слегка повозмущались: по их мнению, глинтвейн – это совсем другое, но напиток, черпавшийся прямо из кастрюли и разливаемый по чайным чашкам, потребляли активно. Опять закосели. На этот раз – все. Борис выпал первым, к немалому огорчению всех: публика рассчитывала на повторение вчерашнего концерта, а кое-кто – и на нечто более активное. Гитарой завладела Лотта, а Грета, добыв из собственного багажа крохотную дудочку, подыгрывала ей весьма искусно. Затем немцы многогласно запели свои немецкие песни, а Алинка и Лиза им подпевали. Васильев заскучал, поскольку участвовать не мог в силу некомпетентности. Заметив, что он опечалился, Алинка отобрала у Лотты гитару и заявила, что в России следует петь русские песни, а немецкие они попоют в Германии. Тему одобрили и хором грянули «Дубинушку». К некоторому своему стыду Васильев обнаружил, что немцы владеют русским фольклором значительно лучше его. По крайней мере классический набор из «Ямщиков», «Стенек» и «Пуховых платочков» они знают наизусть, в то время как коренной великоросс Валерий Васильев ни одной песни не смог допеть до конца. Впрочем, этого и не заметили.

В самый разгар веселья Валерий подмигнул Алинке, и они тихонько смылись наверх. А внизу еще добрый час гремели поставленные германские голоса. Потом стихли. Должно быть, природа взяла свое.

Эта ночь, в отличие от неистойвой первой, вышла тихой и нежной. И уснули они в объятиях друг друга, даже не заметив, что уснули.

Следующий день был похож на предыдущий. С той лишь разницей, что после обеда постреляли из дробовика. Девушки. Ганс и Фриц заявили, что стрелять по бутылкам им запаadlo. Борис сообщил, что он вообще пацифист, а Васильев охотно попрактиковался бы из «макарки», но у него с собой была только одна обойма, а мало ли что...

Вечером пришел автобус – дорогу расчистили, что, верно, не обошлось без дополнительного вливания со стороны шустрого директора.

Уезжать было чуточку грустно.

– Если что – всегда рады! – сказал директор Васильеву. – Вижу: вы человек серьезный.

В Питере прямо с вокзала поехали к Лизе, которая была флэтодержателем четырехкомнатной квартиры на Лиговском. По дороге закупили водки и всего, что положено. После двух праздничных суток город казался тихим и просветленным. Даже алкаши у лотков имели одухотворенность в лицах.

Напились, конечно. А жаль, поскольку ночь была последней. Утром вся музыкальная компания уезжала в Москву. Звали и Васильева, но Валера отказался. Не без сожаления. Взял адреса Фрица и Ганса. Те обещали прислать вызов и намекали на сказочный оттяг, если рус-

ский кореш-браток Васильев посетит добропорядочную Германию. Обещал посетить. Проводил новых друзей на вокзал. Долго целовался с Алинкой. Клялись друг другу помнить и любить вечно. Оба знали, что клятвы не стоит принимать всерьез. Но ведь им было хорошо, разве нет?

К пяти вечера, когда Васильев пришел в зал, от похмельного синдрома не осталось и следа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Как праздничек? – поинтересовался Юра – Головка не болит?
– Уже прошла, – усмехнулся Васильев. – А у тебя?
– Чего тут болеть, это же кость! – Юра звучно постучал по собственному лбу. – Значит, в форме?

– Пока да. А что будет после тренировки, поручиться не могу.

– Значит, со мной встанешь, – заявил Юра. – У нас с тобой на днях работенка намечается. Интеллигентная. Для людей с культурной внешностью, понял?

– Это у тебя-то культурная внешность? – усмехнулся Васильев.

– А что? – Юра приосанился. – Бородку наклею – и порядок. Во всяком случае поинтеллигентней, чем у Монплезира.

– Это точно. А что за работенка?

– Узнаешь. Тебе понравится.

С бородкой, в строгом костюмчике Юра и впрямь выглядел вполне интеллектуально. Ему даже организовали аристократическую горбинку на носу. Еще бы очки в толстой оправе, и вполне сошел бы за профессора математики. Васильеву тоже организовали бородку, пегую, на русый ежик водрузили черный парик с небольшой лысинкой на макушке, в ноздри засунули какую-то дрянь, а физиономию помазали гримом, отчего Валерий «постарел» минимум лет на пятнадцать. Зато стал депутатом. Вернее, очень похожим на депутата, и звали его теперь не Валерий, а Сергей Семенович. Депутатом Сергей Семенович был мелким, что-то там на районном уровне, но возомнил о себе Бог знает что и не желал подписывать некую бумажку. За что людьми значительно более солидными ему было обещано, что этот Новый год будет последним, который встретит Сергей Семенович. На Новый год господин депутат с семейством тихонько смылся в Эмираты, но когда-нибудь же придется возвращаться...

– Скромненько, скромненько, – заметил Юра, прохаживаясь по четырехкомнатной депутатской квартире. Заглянул в бар, хмыкнул: – Очень скромненько.

– Ты бы лучше у окна не маячил, – предупредил Васильев.

– Не учи отца уши мыть! Это тебе маячить не следует, а я так, секретарь-помощник, жопка с ручкой.

Васильев уселся в кресло, включил телик. По телику гнали лабуду. Но забавную. КВН.

Зазвенел телефон. Вернее, заворковал музыкально. Васильев снял трубку, убедился, что маленький магнитофон аккуратно зафиксирует беседу.

– Ну что, козел, надумал? – поинтересовался собеседник.

– Простите, а с кем я говорю? – спокойно осведомился Валерий.

– Вот я тебе очко порву натрое, избранничек, тогда и узнаешь.

– Что вам нужно? – Васильев придал голосу легкое дрожание.

– А то ты, бля, не знаешь! Не надо целку строить.

– Может, все-таки решим по-хорошему? Как-то договоримся...

– Поздно, Семеныч! Теперь по-хорошему не будет, – но голос собеседника слегка смягчился. – Будешь делать, что скажут. Если не хочешь, чтоб лохматки твои кровяной ссали. Понял, урод?

– Понял, – буркнул Васильев. – После Рождества я все сделаю. Только вы, пожалуйста, никого не трогайте.

– Не будешь выеживаться, не тронем, – покровительственно заявила трубка. – А сделаем все сегодня.

– Но бумаги... – вяло возразил Васильев.

– Бумаги у нас,– отрезал собеседник.– Сиди дома и жди. И если ты, сука, хоть кому стукнешь, мусорам или еще куда, лучше тебе сразу в окно прыгнуть, понял? Мышкой сиди, понял, нет?

– Понял,– буркнул Васильев.

Он положил трубку, поглядел на Юру.

– Наглый, однако, нынче риелтор пошел,– заметил он.– Я даже обиделся.

– Ничего,– успокоил Юра.– Мы его тоже обидим. Нельзя так с депутатами разговаривать. Неуважение к избирателям! – И ухмыльнулся.

– С нашими свяжемся? – спросил Валерий.

– Телефон может быть на прослушке. С нынешней техникой даже проводки присоединять не надо.

– А если по «трубе»?

– Тоже можно отследить. Это же не спутниковая. Нет, пусть сами контролируют. Наше дело маленькое: упаковать и ленточкой повязать.

Заявились аж четверо. Толстый господин со всеми атрибутами новоруса, два мордоворота, каждый размером со встроенный шкаф, и золотозубый наглец, звонивший по телефону. Мордовороты быстренько обследовали квартиру, обнаружили Юру, прихватили его под руки и представили пред блеклые очи толстяка и золотозубого.

– Я тебе что, бля...– завелся было золотозубый, но толстяк сказал:

– Ша!

Мордовороты обшарили Юру, нашли газовый пистолет, забрали.

– Ты кто? – спросил толстяк.

– Это мой секретарь,– вмешался Васильев.

– Я его спросил, а не тебя! – писклявым голосом процедил толстяк.

– Юрий...– пробормотал Юра.– ...Иосифович.

– Еврей, что ли? – оскалился золотозубый.

Юра сделал оскорбленное лицо. Сдержанно-оскорбленное. В личности его никто не усомнился. Как сказал классик: если уж человек решил соврать насчет собственного имя-фамилия-отчество, не станет он представляться как Гершанзон Исаак Абрамович. Не та у нас социальная идеология.

– Мой дипломат,– произнес толстяк.

Появился дипломат. Понтовый, с кодовым замочком и золочеными уголками. Из дипломата, в свою очередь, появилась прозрачная папочка с бумагами.

Оба мордоворота сместились к Васильеву. Когда папочка легла на стол, лапа одного из мордоворотов легла на плечо Валерия и пригнула его книзу. Второй подставил стул.

В папочке лежали несколько листов: что-то о передаче чего-то. Под каждым листком – солидная колонка подписей. Не хватало одной. Гукина С. С. Так Васильев узнал «собственную» фамилию.

Толстяк положил рядом ручку. Шикарную ручку, долларов на пятьдесят, если судить по весу. Предмет желтого металла. Васильев взял ее, поднес к бумаге (над ухом шумно сопел мордоворот), помедлил...

– Ну! – нетерпеливо бросил толстяк.

– Сейчас...– пробормотал Васильев.

И не глядя воткнул паркеровское стило в глаз сопящего мордоворота.

Реву позавидовал бы даже конголезский бегемот.

Васильев оттолкнулся, опрокидываясь вместе со стулом назад, поэтому ринувшийся вперед золотозубый попусту накрыл брюхом стол.

Юра, о котором забыли, – и совершенно напрасно! – ловко вцепил под копчик второму мордовороту, поймал его кисть, прихватил на болевой, свободной рукой нащупал кобуру у бугая под курткой...

Толстяк, багровый и страшный, водил влево-вправо зажатый в руках чудовищных размеров пистолетом. Но цели не находил. Васильев вообще пропал с поля его зрения, а Юру надежно прикрывал сыплющий матюками мордоворот. Его многоэтажные переливы тонули в рычании покалеченного приятеля, правой рукой зажимающего глазницу, а левой пытающегося извлечь оружие. Нелегкая задача, поскольку достать что-либо из левой подмышки левой же рукой и в спокойном состоянии проблематично. Зато у лежащего на столе золотозубого с обзором проблем не было. Васильева, кувыркком ушедшего назад и застывшего на корточках, он видел прекрасно. И ствол у золотозубого тоже имелся...

Но и у Валерия тоже имелся сюрприз: притороченный к лодыжке маленький, но эффективный револьверчик.

– Ба-бах!

И буйная головушка раскинула мозгами. Никогда уже не учить ей жизни лохов-депутатов.

Толстяк, осознав, что пахнет жареным, не раздумывая, несколько раз выпалил в сторону Юры и бросился в коридор. Но тучность не способствует скорости. У самых дверей Васильев достал его, а когда толстяк развернулся, намереваясь испробовать на Валериной шкуре импортную машинку, Васильев в прыжке «пробежался» по откормленной туше. Выронив пистолет, толстяк прилип к двери, совсем не по-джентльменски схлопотал в пах и отлип, чтобы принять более наклонное положение. Васильев вцепил ему в переносицу и с удовольствием услышал хруст.

В Юру толстяк не попал. Зато прострелил лапу охраннику, которого держал Юра. Охранник, наверное, удивился, но ненадолго. Юра гуманно отключил его, треснув по затылку. Второго, окривевшего, Валерин напарник тоже успокоил. Не насмерть, но основательно.

– Вот теперь можно и позвонить, – сказал Юра. – Твой как?

– Жить будет, любить – не знаю, – ответил Васильев. – Надо его от двери оттащить, она вовнутрь открывается.

– Вот и займись. А я пока позвоню.

Отволочив от дверей минимум восьмипудовую стонущую и всхлипывающую тушу, обнаружил, что из недр пиджака вывалился толстенный бумажник. Валерий не удержался, заглянул.

Ничего себе! Оказывается, солист криминального квартета тоже был депутатом. Экая, понимаешь, жалость, что Васильев не знал этого раньше и нарушил, понимаешь, неприкосновенность. Валерий засмеялся, легонько пнул могучее брюхо. Депутат жалобно хрюкнул. Морда его была перемазана в крови, натекающей из расквашенного носа, но глаза закрыты. На всякий случай.

Еще в бумажнике обнаружили деньги (весьма значительные), водительские права и лицензия на пистолет, оказавшийся девятимиллиметровой «Береттой 92».

Итак, в осадке остались два трупа и два кандидата в преступники. Васильев вернулся в комнату и вложил в руку подстреленного мордоворота свой револьвер, второго мордоворота, окривевшего (глаз его остался в глазнице, но выглядел неважно), ухватил под мышки, отволол в коридор и обмакнул его лапы в толстякову кровь.

– Химичишь? – поинтересовался Юра. – Давай-давай. Сейчас заказчики подойдут.

Звонок раздался буквально через пару секунд. Вошли трое мужчин неброской внешности. Двое, подчеркнуто игнорируя Васильева с Юрой, устремились в комнаты. Третий небрежно бросил:

– Спасибо. Дальше мы сами.

– Пошли, – Юра потянул напарника за руку.

– И это все? – недовольным голосом осведомился Валерий уже в машине.

– А чего ты ждал? – усмехнулся Юра. – Звезды Героя? На вот, – он протянул Валере флакон. – Это чтоб пленку с пальцев смыть. Кстати, имей в виду, что зеленки нам за сегодняшнюю акробатику не отстегнут. Мы, так сказать, оказывали дружескую услугу.

– Я уже догадался, – буркнул Васильев.

Третий заказчик оказался тем самым мужиком, который здоровался с Петренко, когда старший следователь прокуратуры Еремин «принимал» под опеку уложенных на газончик ссученных ментов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рождество Валерий проспал. После вчерашнего «депутатствования», вместо того чтобы с толком отдохнуть, в баньку сходить, расслабиться, как учили старшие товарищи по работе, Васильев непонятно зачем потащился в кабак, снял какую-то дуру, приволок домой, трахнул без особого удовольствия, а когда вышел отлить, то вернувшись, обнаружил «подругу» за изучением содержимого его письменного стола. Оправданий слушать не стал: взял за локоток и выставил за дверь. И похвалил себя за то, что пользовался презервативом. Все-таки не полный придурок.

Утром пришлось к девяти тащиться в пустынный институт и варить клей, уже неделю как обещанный Академику. К пяти поехал на тренировку, отдал Паше «рождественский подарок», выслушал Юрино приглашение подъехать к нему: «Раз твой далеко, приезжай ко мне, мама будет рада: в кои веки у меня дружок с человеческим лицом появился». Обещал приехать... и проспал. Лег вздремнуть на часок, таймер поставил на десять... И проснулся в десять часов, но уже следующего дня. Перепутал ночь и день. Ладно, зато выспался. Позвонил Юре. Извинился. Позвонил в Симферополь, поздравил своих. Там все было – слава Богу. Батька пахал, сестренка училась, а мама их обихаживала. Хорошо поговорили. Соскучился он по ним. Следать, что ли? Батька деликатно осведомлялся о финансовых делах сына. Валерий порадовал его, мол, решил с друзьями небольшое дело организовать. Говорить пока рано, но дело обещает быть доходным. Уже сейчас есть кое-какая прибыль. Батька порадовался. Угнетало его то, что сын в жизни не преуспел. А уж сына-то как угнетало! Зато теперь все хорошо будет. Интересно, узнал бы батя, в какое дело Валерий вписался, одобрил бы? А хрен знает! Сам-то в молодости был рискованный мужик. И резкий. Вечно в драки влипал. Но тогда проще было. Ни пистолетов, ни даже каратэ с кунфу. Любимое оружие – «розочка» из пивной бутылки. Батька рассказывал: как-то повел маму в бар, «Медведь» называвшийся, отошел пивка взять, а вернувшись, обнаружил, что путь ему преграждает обтянутая белыми брюками задница. А хозяин задницы, опершись локтями на стол, самым нахальным образом пристает к его жене. Ни слова не говоря, кокнул батя бутылочку о соседний стол и воткнул «розан» в сочную ягодицу. А потом ухватил маму за руку и под вопли пострадавшего сделал ноги. Больше, правда, в том баре не появлялся. Вот такой лихой у Валеры батька. Так что, может, и одобрил бы новые сыновьи игры. Кто знает...

Остаток января вышел тихим. Если не считать того, что Шица сломал Васильеву нос. Ничего страшного. Походил некоторое время с синяками под глазами, потом все прошло. Заживало на Валере, как на собаке. Особенно с мумиё. Через неделю его больше нервировал не сломанный нос, а безобразные скачки температуры воздуха, превращавшие улицы то в болото, то в каток. К февралю погода, наконец, установилась. На минус двадцати. А с холодами пришла работа.

Подъехали на двух машинах: старой «бээмвухе» и Силычевом джипе. Джип – машина приметная, зато в нее особо не заглядывают, даже наоборот. Встали на углу. Чтоб и улица просматривалась, и из окон не видно. «БМВ» припарковалась метрах в двадцати. Как бы сама по себе. За рулем – Гоша-Терминатор.

Олежек отирался у подъезда. Видок у него был беспризорный. И замерзший. К нему подошел Шица (его высадили заранее), такой же неприметный. Рядовой алкаш средних лет. Поговорили. Олежек отбыл в подъезд, погреться. Шица шаркающей походкой пошкандыбал за угол. Среди прохожих он не выделялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.